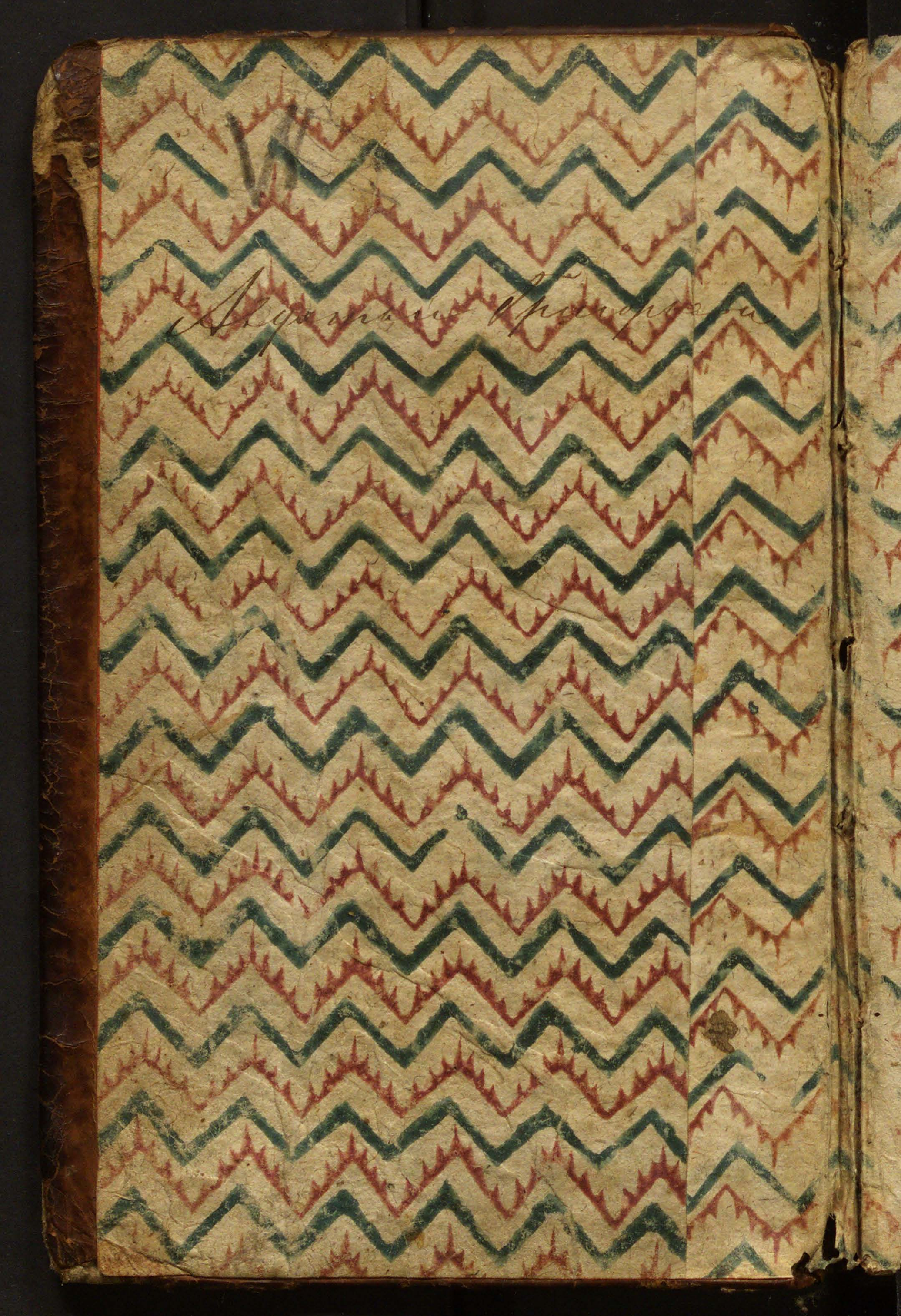
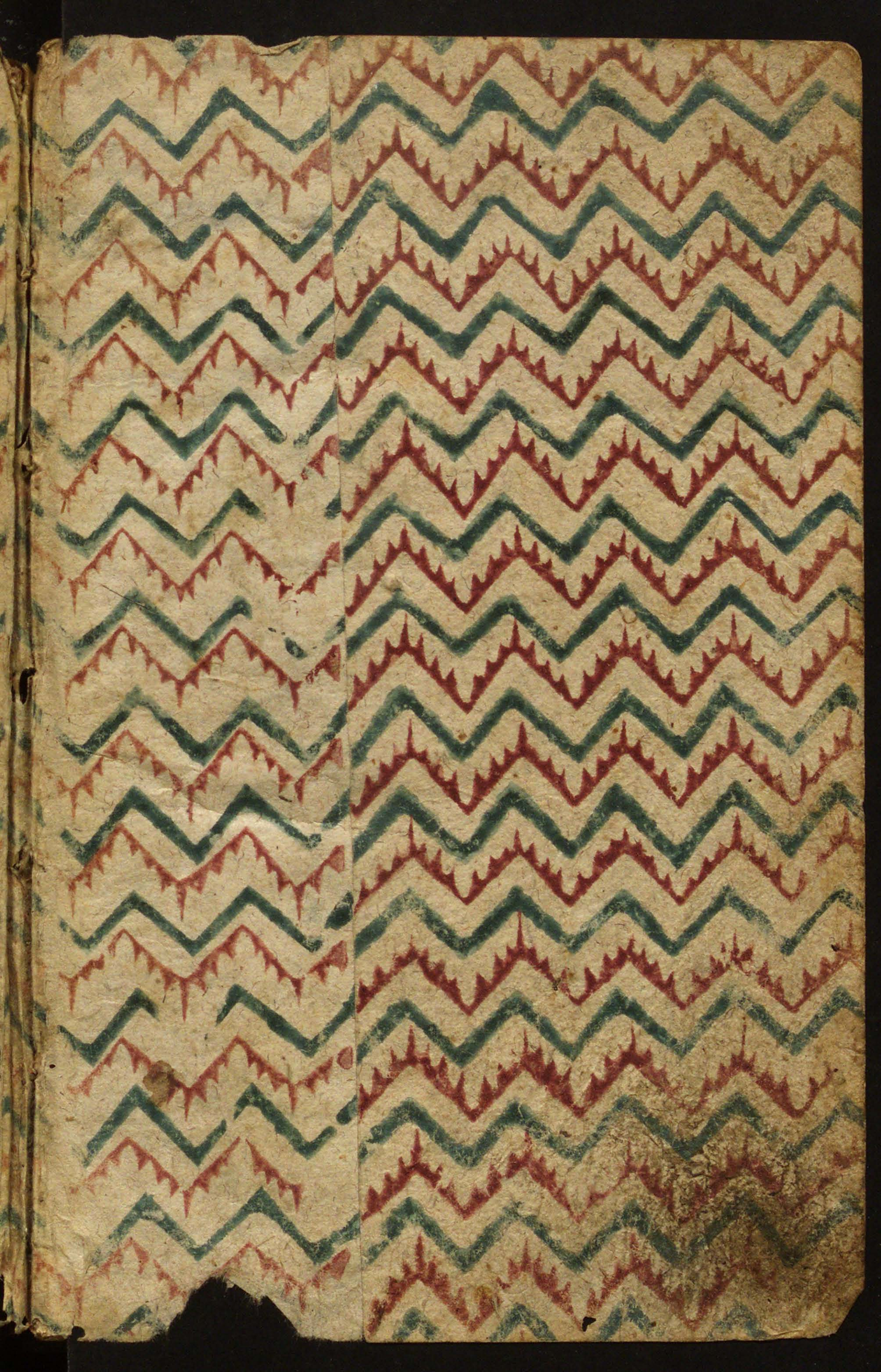

двадни загрива
ло день мыла ище
ниих день хадила
заяеазалъ

АК9

люблю читать
єту книгу
достойное [illegible]
Л Д

ОЛИВІЯ,

АГЛИНСКОЙ РОМАНЪ,

Переведенный вольно съ Аглинскаго языка на Французской Гжею Д* *, а съ сего на Россійской

М. К.

Часть I.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи

1789.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ я читалъ книгу подъ заглавіемъ: Оливія, Аглинской Романъ, Часть I, *и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,*

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Сей Романъ великіе имѣлъ успѣхи въ Англіи. Онъ одолженъ замысловатостію своею и красотою одной знатной женщинѣ. Онъ есть трогающая картина нещастій, которыя приводятъ въ весьма великую чувствительность, и жестокое мученіе ревнивости. Скоротечность и различіе приключеній не имѣютъ правдоподобія, но развязка производитъ въ душѣ живѣйшее впечатлѣніе. Характеры Оливіи, Вана и Даванпорта понравятся особливо тѣмъ,

которые любятъ вникать въ натуру; наконецъ къ сему-то Роману можно приспособить сей стишокъ:

Мать дочери своей читать его велитъ.

ОЛИВІЯ.

ГЛАВА 1.

Дѣдъ Оливіинъ произходилъ отъ древней и почтенной фамиліи, поселившейся уже многіе вѣки въ западной части Англіи, которая всегда отличалась своимъ богатствомъ, непорочностію нравовъ и странноприимствомъ. Въ молодости своей предался онъ своимъ страстямъ, которыя скоро вовлекли его въ нещастіе. Ни угрозы ни совѣты его родителей не могли совратить его съ сего усыпаннаго цвѣтами, но опаснаго пути, и онъ не прежде отсталъ отъ своего порока, какъ по расточеніи большей части своего имѣнія и по потеряніи неоцѣнен-

неннаго сокровища, своего здравія. Онъ довершилъ раздраженіе родителей своихъ невыгоднымъ по своимъ обстоятельствамъ супружествомъ. Разрушивши такимъ образомъ намѣреніе, которое они имѣли, чтобъ совокупить его съ такою дѣвицею, которой бы имѣніе вознаградило его недостатки, оставленъ былъ ими плачевному своему жребію. Пришедши въ отчаяніе отъ ихъ строгости, тайно удалился онъ изъ мѣста своего рожденія, поселился въ другой провинціи, и подъ ложнымъ именемъ Элфорда вступилъ тамъ въ коммерцію, дабы не впасть въ бѣдность, которою онъ былъ угрожаемъ.

Когда ни любовь ни бракъ не вознаградили его за толикія пожертвованія, то онъ сдѣлался суровымъ, скучнымъ, человѣконенавидцемъ, и клялся никогда не открывать имени своей фамиліи. Гжа. Элфордъ, принужденная учинить такую же клятву, родила съ болѣзнію сына, котораго чрезъ то лишила она тѣхъ выгодъ, которыхъ онъ въ последствіи могъ требовать: печаль, которую она отъ того почувствовала, присоединившись къ тѣмъ до-

досадамъ, кои должна она была сносить каждой день отъ своенравія своего мужа, повергла ее во гробъ въ цвѣтѣ ея возраста. Элфордъ не умедлилъ за нею послѣдовать, и умирая ввѣрилъ своего сына купцу, по имени Гамилтону, котораго дружество извѣдалъ онъ опытомъ.

Чувствительной и благотворительной Гамилтонъ наслаждался, по своимъ добродѣтелямъ, всеобщимъ почтеніемъ, и по неусыпности своей въ трудахъ и по порядку, царствовавшему въ его домѣ, снискалъ себѣ уваженіе отъ купцовъ. Имѣніе его питомца, не позволяющее употреблять большихъ издержекъ на его воспитаніе, и незнаніе, въ которомъ оставилъ его другъ о достоинствѣ своихъ предковъ, принудили Гамилтона послать его въ школу того города, въ которомъ онъ жилъ.

Гамилтонова ласковость, въ сравненіи съ суровостію жестокаго и своенравнаго отца, послужили къ утѣшенію юнаго Элфорда въ потерѣ своихъ родителей. Знаки любви опекуна его, дружество школьныхъ его товарищей, похвалы его учителя, причи-

няли ему такое удовольствіе, каковаго онъ до сего времени не ощущалъ. По препровожденіи нѣсколькихъ лѣтъ въ ученіи возвратился онъ въ домъ своего опекуна, гдѣ въ гулящіе дни подружился съ Гамилтоновыми дѣтьми. Сынъ и дочь составляли почтенную сію фамилію, къ которой юный Элфордъ привязанъ былъ нѣжнѣйшими узами. Сначала приписывалъ онъ вдыхаемыя ею въ него чувствованія благодарности; но важнѣйшая причина, неизвѣстная неопытному привлекательность причиняла ему то удовольствіе, которое онъ вкушалъ въ Гамилтоновомъ семействѣ. Это была любви достойная Оливія, которую онъ любилъ, не примѣчая того: ласковость и пріятности Оливіи, любимой своимъ отцемъ, почитаемой всѣми тѣми, кои ее видѣли, сдѣлали живѣйшее впечатлѣніе въ сердцѣ, едва вышедшемъ изъ рукъ природы.

Какъ возрастъ Элфордовъ позволялъ Гамилтону предоставить ему выборъ состоянія, то онъ предпочелъ состояніе Лѣкарское, какъ одно такое, которое въ его положеніи могло

до-

доставить ему способы быть полезнымЪ человѣчеству. ВЪ скоромЪ времени отличился онЪ вЪ ономЪ удивительными успѣхами и тщаніемЪ, которое онЪ принималЪ вЪ утѣшеніи бѣдныхЪ; но какЪ малой провинціальной городЪ не могЪ доставлять ему довольно случаевЪ для усовершенствованія его вЪ наукѣ, вЪ которой онЪ упражнялся: то ГамилтонЪ объявилЪ ему свое намѣреніе послать его вЪ столицу. СтрахЪ разлучиться сЪ Оливіею открылЪ Элфорду, что онЪ вЪ самомЪ дѣлѣ ее любилЪ, и страсть его была столь же жива, какЪ и искрення. СЪ давняго уже времени ЭлфордЪ сдѣлалЪ таковое же впечатлѣніе и вЪ Оливіи; но сердце ея, не знавшее другихЪ чувствованій, кромѣ дружества, безЪ страха предалось тому удовольствію, которое она вкушала, находясь сЪ ЭлфордомЪ, и взирала на отъѣздЪ его сЪ печалію, не зная причины, понуждавшей ее проливать слезы.

ГЛАВА 2.

ВЪ теченіи одиннатцати мѢсяцовЪ, которые Элфордъ препроводилЪ вЪ столицѢ, ничто не препятствовало ему продолжать ученіе, удалившее его отЪ любимаго имЪ предмета. Не предвидѢнное приключеніе принудило его возвратиться вЪ домЪ своего опекуна, гдѢ величайшее нещастіе заступило мѢсто семейственнаго благополучія. ГамилтонЪ, по причинѢ банкрутства одного Амстердамскаго Коммерческаго дому, вдругЪ увидѢлЪ себя лишеннаго своего имѢнія; онЪ вовлекЪ вЪ разореніе своихЪ друзей и своего питомца, употребивЪ почти все его имѢніе для своихЪ предпріятій. Отягченный печалію ГамилтонЪ принялЪ Элфорда сЪ радостію, смѢшанною сЪ горестію, и Оливія сЪ трудомЪ скрывала свое смущеніе, увидѢвши того, котораго отецЪ ея содѢлалЪ нещастнымЪ.

Тронутый сожалѢніемЪ кЪ состоянію своего опекуна, великодушный ЭлфордЪ старался утѢшить его, и предложилЪ ему убѢжище вЪ домѢ, извѢстномЪ подЪ именемЪ *пристанища*

ща разорившихся, построенномъ отцемъ его въ отдаленномъ мѣстѣ. Въ семъ только состояло его имѣніе, которымъ онъ тогда владѣлъ; онъ не хотѣлъ пользоваться имъ безъ того, чтобъ не раздѣлить его съ Гамилтономъ и его дѣтьми.

Убѣгаемый своими друзьями, оставленный тѣми, которые искали его въ щастіи, Гамилтонъ принялъ предложеніе своего питомца, и переѣхалъ съ своею фамиліею въ Элфордовъ домъ. Предавшись своей нѣжности, старался онъ разогнать печаль добраго старика, открылся въ страсти своей, которую вдохнула въ него дочь его, и получилъ Оливіину руку. Едва лишь только они были соединены, какъ одинъ Гамилтоновъ родственникъ предложилъ ему послать своего сына въ Индію, съ такими выгодами, которыхъ не могъ онъ отвергнуть. Разлука была нѣжная и печальная; Гамилтонъ изтребовалъ отъ своего сына обѣщаніе, чтобъ онъ Оливіи и ея супругу дѣлалъ вспомоществованіе, ежели щастіе сдѣлается къ нему благопріятно въ тѣхъ странахъ, гдѣ честнымъ

стнымъ раченіемъ можно обогатиться, не навлекая на себя безчестія.

Хотя Гамилтонъ былъ щастливъ въ своемъ убѣжищѣ, но воспоминаніе о своемъ нещастіи нечувствительно сокращало его дни, и наконецъ стоило ему жизни. Потеря сія весьма чувствительна была двумъ супругамъ; но время и разумъ осушили ихъ слезы, и рожденіе дочери, которую они назвали Оливіею, способствовало къ разогнанію ихъ печали.

Между тѣмъ, какъ Элфордъ занимался дѣлами своего состоянія, супруга его Оливія старалась образовать, посредствомъ воспитанія, сердце такой дочери, которая обѣщала уже слѣдовать нѣкогда по стезямъ достойныхъ своихъ родителей. Все споспѣшествовало къ содѣланію ихъ щастливыми: получаемыя отъ Гамилтона письма возвѣщали о весьма великихъ выгодахъ, и Оливія и Элфордъ взирали на будущее въ разсужденіи своей дочери время, какъ на такое, которое вознаградитъ ихъ за минувшія неблагопріятные случаи. Они услаждались симъ пріятнымъ мечтаніемъ,

какъ смерть оставила сію любезную дочь на произволъ неизвѣстнаго рока. Элфордъ занемогъ гнилою горячкою, которую онъ получилъ, пуская кровь одному бѣдному, сею болѣзнію одержимому; онъ заразилъ ею свою жену, и оба почти въ ту же минуту умерли.

Оливія, на десятомъ году своего возраста лишившаяся отца, старавшагося о ея благополучіи, и нѣжной матери, которой пріятныя ласки пріучили ее почитать себя изъятою отъ нещастій, осталась одна, безъ фамиліи, безъ защитниковъ, безъ сродниковъ, которые приняли бы попеченіе о ея маломъ имѣніи, простиравшемся не свыше пяти сотъ фунтовъ стерлинговъ. Щастлива еще она, что отецъ ея, по похвальной предосторожности, сдѣлалъ завѣщаніе; онъ наименовалъ опекуномъ своей дочери Г. Голдвина, священника того прихода, которой былъ въ смежности съ тою деревнею, въ коей онъ жилъ.

Казалось, что Провидѣніе разпоряжало симъ выборомъ. Голдвинъ былъ въ такихъ лѣтахъ, въ которыхъ разумъ, очищенный размышленіями, уважа-

жаетъ достоинство и отдаетъ ему искреннее почтеніе. Сорокъ лѣтъ служили къ укрѣпленію его въ благочестіи, въ любви къ добродѣтели, и отличили его въ обученіи словеснымъ наукамъ; обхожденіе его съ особами вышшаго состоянія выполировало его поступки, но не развратило его нравовъ; онъ обладалъ всѣми пріятностями свѣтскаго человѣка, и приличною служителю алтарей сановитостію. Таковъ былъ опекунъ, которому родители Оливіины ввѣрили ея младость. Голдвинъ отвелъ питомицу свою въ свой домъ, какъ скоро прекрасная сирота разлучена была съ творцами дней своихъ роковымъ ударомъ, которой навсегда ихъ у нее похитилъ.

По отданіи сей нещастной четѣ послѣдняго долгу Г. Голдвинъ сдѣлалъ реэстръ ихъ мебелямъ, а остатки малаго ихъ имѣнія отдалъ въ умѣренной процентъ для юной Оливіи, къ которой тотчасъ возчувствовалъ онъ отеческую любовь.

ГЛАВА

ГЛАВА 3.

КакЪ скоро узнали вЪ сосѣдствѣ, что священникЪ ГолдвинЪ взялЪ на себя воспитаніе Оливіи: то не умедлили сдѣлать обидныхЪ доброму его имени заключеній. Каждой приписывалЪ сіе попеченіе различнымЪ причинамЪ: одни набожному чувствію; другіе, не столь снисходительные, выхваляли прелести Гжи. ЭлфордЪ, и находили вЪ чертахЪ юной питомицы совершенное сходство сЪ чертами опекуна. Удивлялись также набожности Гжи. ЭлфордЪ, которая за двѣ мили пріѣзжала зимою вЪ церковь вЪ тѣ дни, когда служилЪ ГолдвинЪ. Клевета, искусная на критику, не пощадила памяти Элфорда, и смѣялась надЪ легковѣрнымЪ супругомЪ, которой, принимая кЪ себѣ Голдвина, доставлялЪ своей женѣ товарищество, вЪ то время, когда дѣла его принуждали его выходить изЪ своего дому.

Она не удовольствовалась пусканіемЪ ядовитыхЪ стрѣлЪ противЪ почтенныхЪ особЪ, которыя не могли болѣе оправдаться; но старалась еще возмутить домашнее спокойствіе велико-

ликодушнаго Голдвина. Услужливая пріятельница увѣдомила Гжу. Голдвинъ о опасности, въ которую она вдавалась, принимая къ себѣ Оливію. Гжа. Голдвинъ спокойно ее слушала, и разсталась съ нею, похваляя своего супруга и добродѣтельныхъ друзей, коихъ память тщетно старались помрачить. „Я испытала, говоритъ она своему супругу, какое имѣютъ втеченіе на всеобщее мнѣніе нравы нѣкоторыхъ людей: съ того времени, какъ не разсуждаютъ уже болѣе въ свѣтѣ о началахъ религіи, не можно увѣриться, чтобъ дѣлали добро безъ другаго побужденія, кромѣ того, чтобъ быть полезнымъ человѣчеству. Какъ мы щастливы, освятивши древнія добродѣтели нашихъ дѣдовъ! Можемъ ли мы вперить ихъ въ сердце нашей питомицы, которая съ сего времени любезнѣе мнѣ будетъ, для того что родители ея предпочли насъ предъ всѣми другими, ввѣривши намъ единое ихъ сокровище?„ Голдвинъ обнялъ ее, и взаимная ихъ любовь наложила на клевету молчаніе.

Имѣніе

Имѣніе Голдвиново позволяло ему жить свободно и пышно; но какъ онъ занимался всегда обученіемъ свободнымъ наукамъ, то и взялъ на себя воспитаніе шести молодыхъ дворянъ, болѣе изъ желанія научить ихъ, нежели по какому либо побужденію корысти. Въ сей-то школѣ прекрасная Оливія заняла всѣ начала здраваго нравоученія и украсила разумъ свой всѣми наставленіями, которымъ рѣдко обучаютъ нашъ полъ. Однако, опасаясь, чтобъ не сдѣлалась она гордою, пріобрѣтши весьма обширныя познанія, Голдвинъ прилагалъ стараніе часто разговаривать съ нею о томъ посмѣяніи, которому подвергается женщина, высоко цѣнящая тѣ преимущества, которыя она имѣетъ надъ тѣми, коихъ воспитаніе ограниченнѣе, и старался сдѣлать ее скромною, по мѣрѣ, какъ она имѣла право на удивленіе людей.

Между правилами, преподаваемыми его питомицѣ и другимъ его воспитанникамъ, особенно занимали достойнаго сего учителя правила разумной и просвѣщенной набожности. Собствен-

ныя его добродѣтели научили его, что исполняя предписанныя Христіянствомъ должности, можно быть добрымъ гражданиномъ, ревностнымъ подданнымъ, благоразумнымъ супругомъ, нѣжнымъ отцемъ и вѣрнымъ другомъ, и что можно вооружиться противъ опасностей порока и противъ неожидаемыхъ ударовъ превратнаго щастія. Однимъ словомъ, развращеніе нравовъ, забытіе женщинами должностей, расточеніе юношествомъ имѣнія Голдвинъ приписывалъ нерадѣнію родителей, опекуновъ и учителей, которые не довольно научаютъ ихъ должностямъ религіи.

По описанію сему не инаковымъ можно представить себѣ Голдвина, какъ скучнымъ и суровымъ учителемъ; но онъ будучи щастливъ и спокоенъ, любовался, видя царствующее вокругъ себя веселіе. Какъ юношескій возрастъ любитъ забавы, то онъ самъ побуждалъ своихъ питомцовъ предаваться онымъ, и предсѣдательствовалъ при ихъ играхъ. Окруженъ будучи сосѣдями, часто вымышлялъ онъ полевыя забавы, и приглашалъ ихъ раздѣлять

съ

съ собою праздничные дни, которые праздновалъ онъ у себя, дабы успокоиться отъ важныхъ своихъ упражненій.

ГЛАВА 4.

Въ семъ-то спокойномъ жилищѣ юная Оливія осушила слезы, которыя проливала она о потерѣ своихъ родителей. Она обрѣла ихъ въ своемъ опекунѣ и въ достойной его женѣ; нѣжность ихъ къ ней напоминала ей любовь матери и пріятныя попеченія отца. При малѣйшемъ знакѣ неудовольствія Голдвинова она удваивала охоту къ ученію, и одобрительная улыбка Гжи. Голдвинѣ побуждала ее, чтобъ заслужить большія отъ ней похвалы. Образуемая ихъ примѣромъ, Оливія научилась любить добродѣтель, и ея нѣжное сердце чувствительно было только къ тѣмъ удовольствіямъ, которыя она находила въ содѣланіи себя достойною ихъ попеченій.

Въ числѣ Голдвиновыхъ питомцовъ находился меньшой сынъ Лорда Даванпорта, и Г. Ванъ, единый наслѣдникъ

никъ знатнаго имѣнія. Оба они были старѣе Оливіи однимъ годомъ, и были ея товарищами въ ученіи, въ то время, когда она пріѣхала въ домъ своего опекуна. Даванпортъ присоединялъ къ красотѣ лица и къ пріятности высокаго росту и прельщающаго стана, всю веселость щастливаго характера: будучи привѣтливъ къ низшимъ себя, учтивъ съ равными себѣ и почтителенъ къ вышшимъ, преклонялъ къ себѣ всѣхъ тѣхъ, которые его знали; веселость его причи... радость, снизхожденіе его всегда извиняло недостатки другихъ.

Ванъ, менѣе имѣвшій пріятностей, меньшимъ также одаренъ былъ и разумомъ. Мужескія его черты соединялись съ крѣпкимъ и здоровымъ сложеніемъ. Гордой и мстительной, скрытной и подозрѣвающій его характеръ показывалъ въ немъ склонность къ ревнивости, и въ забавахъ своихъ открывалъ онъ стремленіе своихъ страстей.

Не смотря на различіе вкусовъ, которое должно произойти между двумя толь противоположными характерами,

рами, сильнѣйшее дружество соединяло Даванпорта и Вана, даже до той минуты, когда любовь содѣлала ихъ чувствительными къ прелестямъ Миссъ Эфордъ. Оба они воздыхали по ней, не зная еще причины, которая извлекала ихъ воздыханія, и оба, когда уже были покорены, рѣшились угождать предмету своихъ желаній, не помышляя о препонахъ, которыя родители ихъ могли противоположить ихъ намѣреніямъ. Съ того времени, какъ усмотрѣли они состояніе своей души, совмѣстничество перемѣнило дружбу въ ненависть; но опасаясь власти недремлющаго учителя, надѣли на себя политическую маску, дабы сокрыть отъ его прозорливости тѣ предначинанія, которыя располагались они учинить надъ Оливіинымъ сердцемъ.

Привыкши видѣть вниманіе ихъ къ себѣ, Оливія не примѣчала никакой перемѣны въ ревности, которую они оказывали въ облегченіи ея ученія, коимъ она всякой день занималась. Однако Ванъ никогда не оказывалъ столько угожденія, и Даванпортъ никог-

да не былъ столь поспѣшенъ во вспомоществованіи ей въ переводахъ ея съ Италіянскаго и Французскаго языковъ; оба побуждаемые равномѣрнымъ желаніемъ нравиться, повторяли ей уроки ея въ пѣніи и на клависинѣ, и читали ей сочиненія лучшихъ древнихъ и новѣйшихъ стихотворцевъ.

Такимъ образомъ протекли три года, но Миссъ Элфордъ не приписывала попеченій своихъ любовниковъ тому побужденію, которое оныя въ нихъ вдыхало. Изъята будучи отъ всякихъ подозрѣній, не находила она въ усердіи ихъ никакой причины, которая могла бы ее устрашить, и любовь торжествовала уже въ ея сердцѣ, хотя она не знала еще силы сей страсти. Щастливое невѣденіе! ты жребій младости и невинности. Увы! по-что возрастъ и опытность отравляютъ позволенныя тобою сладости, дабы сожалѣть о потерѣ, когда не можно болѣе оными наслаждаться?

ГЛАВА

ГЛАВА 5.

Чувствительное сердце часто бываетъ источникомъ всѣхъ нашихъ злощастій. Оливія, родившись нѣжною и сострадательною, не умедлила содѣлаться жертвою тѣхъ чувствованій, которыя долженствовали бы содѣлать ея щастіе. Гулящіе дни приближались, и питомцы Г. Голдвина съ нетерпѣніемъ ожидали повелѣнія отъ своихъ родителей для возвращенія къ нимъ; всѣ составляли уже изъ того прельщающія воображенія, выключая Вана и Даванпорта. Оставить Оливію! разлученными быть съ нею на пять недѣль! ничто не могло замѣнить въ фамиліи ихъ той потери, которой они опасались уже, что не могутъ ее перенести.

Оливія, имѣвшая тогда отъ рожденія шестнатцать лѣтъ и плѣняющую красоту, взирала на приближеніе ихъ отъѣзда безъ смущенія и скуки: товарищества ея опекуна и его любви достойной фамиліи довольно было для ея сердца; она не опасалась, чтобъ отсутствіе могло похитить ея веселость; но не далека была та минута,

вѣ которую печаль намѣревалась поселить вѣ душѣ ея смущеніе, и отнять у нее щастіе и спокойствіе. Не смотря на явное ея безпристрастіе, Даванпортовы старанія болѣе ее тронули, нежели Вановы. Нѣкогда по случаю зашедши вѣ садѣ, прохаживалась она подѣ густою тѣнію, по близости кабинета, откуда увидѣла пространный вѣ полѣ лугѣ. Желаніе наслаждаться отличнѣйшимѣ, нежели вѣ саду, зрѣлищемѣ, заставляетѣ ее войти вѣ кабинетѣ; но отворивши двери, видитѣ она Даванпорта, лежащаго на софѣ, оперщагося головою на руку, а вѣ другой держащаго письмо, которое орошалѣ онѣ своими слезами. Блѣдность его лица и изображеніе печали, видимой ею вѣ его глазахѣ, воспрепятствовали ей удалиться. „Простите, говоритѣ она ему, ежели я васѣ прерываю; но я столь живое беру участіе вѣ той печали, которая, кажется, васѣ отягчаетѣ, что не могу васѣ оставить.„ Пріятной и нѣжной голосѣ, произнесшій сіи утѣшительныя слова, умножилѣ Даванпортово смятеніе. Оливія

вія

вія сѣла подлѣ него, и Даванпортъ взиралъ на нее долгое время въ молчаніи, но наконецъ прерываетъ оное: „Вотъ, говоритъ онъ ей, письмо отъ моего отца, которой увѣдомляетъ меня о намѣреніи своемъ, чтобъ меня отсюда взять и отдать послѣ вакаціи къ другому учителю.„ Оливія поблѣднѣла; внезапное трепетаніе овладѣло всѣми ея членами; сердце ея, обремененное печальнымъ чувствованіемъ, испускало вздохи; силилась она говорить, но произнесла только нѣсколько несвязныхъ словъ. Какъ не могла она въ смущеніи своемъ удалиться отъ юнаго Даванпорта, то онъ бросился къ ея ногамъ, открылъ ей страсть свою, клялся ей вѣчною любовію и обѣщалъ ей всемъ пожертвовать, чтобъ соединиться съ нею неразрывными узами.

Проливаемыя Оливіею слезы и изъявляемая ею при слушаніи его радость произвели въ Даванпортѣ надежду, что онъ учинилъ живое впечатлѣніе въ семъ невинномъ сердцѣ. „Сожалѣю я, отвѣчала она ему, что я причинила вамъ столько печали; но однако

ко я весьма радуюсь, что вы предпочли меня предъ другими женщинами.„ Сіе простосердечное открытіе дало ему знать, что онъ любимъ. Они согласились скрывать свою страсть отъ всѣхъ тѣхъ, кои могли бы по своей власти дѣлать въ томъ препоны, и прекрасная Оливія обѣщала Даванпорту увидѣться съ нимъ завтра въ отдаленномъ мѣстѣ сада.

Бѣдственное обѣщаніе! оно причинило всѣ нещастія, которыя въ послѣдствіи испытала весьма чувствительная Оливія. Какой примѣръ для юношества! малѣйшее заблужденіе въ семъ нѣжномъ возрастѣ всегда послѣдуемо бываетъ прискорбіями.

Съ того времени, какъ любовь обязала Оливію обманывать довѣренность своего опекуна, почувствовала она угрызѣніе совѣсти. Тысячекратно покушалась она открыть ему о томъ обязательствѣ, которое она приняла безъ его вѣдома; но страхъ, быть навсегда разлученною съ Даванпортомъ, налагалъ на нее молчаніе. Даванпортъ, по молодости своей не умѣющій еще притворяться, не оставилъ

ее

ее въ незнанiи, что отецъ его никогда не согласится на бракъ ихъ, и что Голдвинъ по должности и по праву занимаемаго имъ мѣста будетъ тому противиться.

Къ нещастiю Оливiи Лордъ Даванпортъ чувствителенъ былъ только къ тѣмъ выгодамъ, которыя приноситъ родъ и имѣнiе. Любовь никогда не имѣла власти надъ его сердцемъ, и онъ всѣхъ тѣхъ, которые попускали ей овладѣть собою, презиралъ. Онъ женился для того, чтобы угодить своимъ родителямъ, и въ соединенiи семъ взиралъ только на честь, быть сопряженнымъ съ большими въ государствѣ господами. Одна дочь и два сына были единые плоды брака, которой содѣлалъ онъ несноснымъ нещастной своей супругѣ. Старшiй его сынъ наслаждался всею его любовiю, для того что онъ взиралъ на него какъ на подпору своего дому; но меньшiй ничего не могъ надѣяться отъ такого отца, которой ожидалъ только минуты, чтобъ удалить его отъ себя. Онъ имѣлъ всего опасаться отъ его суровости, естьли бы онъ

онъ учинилъ такой выборъ, котораго бы онъ не могъ одобрить.

Голдвинъ не зналъ, что Даванпортъ получилъ отъ своего отца письмо, повелѣвающее ему прiѣзжать къ нему; онъ скрывалъ то, опасаясь, чтобъ при оказыванiи весьма малой къ тому охоты не открыть своей тайны. Однако рѣшился онъ просить его о ходатайствѣ, ежели бы Лордъ Даванпортъ пребылъ въ своемъ намѣренiи. Какъ то время наступило, въ которое двое любовниковъ должны были по причинѣ вакацiй на нѣсколько недѣль разлучиться: то клялись они между собою всегдашнею вѣрностiю, и столь хорошо притворились предъ Голдвиномъ и его женою, что сокрыли ту печаль, которую причиняла имъ разлука.

Но не могли они обмануть Вановой неусыпности: примѣчая ихъ взоры, малѣйшiя ихъ движенiя, тотчасъ онъ проникъ въ тайну, которую старались они съ толикою рачительностiю сокрыть. Оливiя потеряла любимую свою птичку; старанiе Даванпортово, вознаградить сiю потерю другою птич-

кою

кою такогожъ перья; безпокойство Оливіино, когда Даванпортъ досаждалъ своему учителю; радость ея, когда онъ хвалилъ его: все возвѣщало ревнивому Вану, что соперникъ его былъ любимъ. Не могши наслаждаться таковымъ же щастіемъ, рѣшился онъ примѣчать за ними столь хорошо, что наконецъ нашелъ случай увѣдомить Голдвина о томъ, чего онъ до сихъ поръ не зналъ.

Ванъ положилъ намѣреніе восторжествовать надъ своимъ соперникомъ. Онъ ожидалъ смерти стараго и слабаго своего отца, чтобъ принести Миссъ Элфордъ въ жертву свое сердце, и предложить ей въ тоже самое время свою руку и свое имѣніе. Ванъ извѣстенъ былъ о тѣхъ гордыхъ видахъ, которые имѣлъ Лордъ Даванпортъ въ разсужденіи своего сына, и о томъ страхѣ, которой имѣлъ сей послѣдній, чтобы не подвергнуться его гнѣву. Ежели Даванпортъ щастливъ былъ по достовѣрности, что онъ былъ любимъ: то и Ванъ не менѣе же былъ щастливъ по надеждѣ, что онъ нѣкогда понравится прекрасной Оливіи. Въ ту

ми-

минуту, когда Даванпортъ получилъ отъ Голдвина и Оливіи отпускъ, радость, которую Ванъ тогда обнаружилъ, измѣнила ему. Даванпортъ показался тронутымъ; Оливія съ трудомъ могла удержать слезы, а добрый Голдвинъ изъявлялъ своему питомцу желаніе, которое онъ имѣлъ, чтобъ видѣть его скорѣе къ нему возвратившимся.

Оливія, не осмѣлившись свободно предаться той печали, которую причинила ей сія разлука, ушла въ свою спальню, и предалась тамъ живѣйшей тоскѣ. Однако размысливши по томъ, что она должна была продолжать обманывать Голдвина, которой служилъ ей вмѣсто отца, устрашилась, и желала даже, чтобъ Даванпортъ не возвращался. Печальное воображеніе, что она никогда не можетъ быть соединена съ своимъ любовникомъ, не подвергнувши его гнѣву его отца, умножило ея разкаяніе, что она его слушала. Могла ли она ласкаться, чтобъ скупой и гордой Лордъ Даванпортъ взялъ въ жену своему сыну бѣдную сироту, безъ имени,

ни; не имѣющую другой подпоры, кромѣ сельскаго священника, котораго онъ никогда не удостоивалъ благосклоннаго взора? Все заставляло ее забыть любовника, котораго она не могла любить безъ опасности; но вскорѣ послѣ того любовь говорила въ его пользу. Даванпортъ клялся ей вѣчнымъ постоянствомъ; онъ никогда не отступалъ отъ своихъ обѣщаній; страсть его по тому болѣе была искренния, что онъ не старался отъ ней излѣчиться; Оливія была первымъ предметомъ, которой содѣлалъ его чувствительнымъ; онъ съ своей стороны избранъ былъ ея сердцемъ.

Такимъ образомъ Оливія то погашала, то воспламеняла любовь свою къ такому любовнику, котораго не могла забыть и котораго страшилась сдѣлать нещастнымъ, ежели бы онъ когда нибудь узналъ о той власти, которую старался надъ нею возпріять разумъ. Рѣшившись поступать только по своей склонности къ Даванпорту, ходила она по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ онъ любилъ прогуливаться; рвала тѣ цвѣты, которыхъ красоту онъ

вы-

выхвалялЪ; ласкала его собачку, читала по его книгамЪ, повторяла наизусть тѣ мѣста, которымЪ онЪ удивлялся; и хотя онЪ былЪ вЪ отсутствіи, но она нашла способЪ имѣть его вЪ присутствіи при всѣхЪ своихЪ упражненіяхЪ. Похвалы, приписываемыя вездѣ Даванпорту, увеличили еще то чувствованіе, которое господствовало вЪ ея сердцѣ.

ГЛАВА 6.

ВЪ сосѣдствѣ Голдвинова дому жилЪ дворянинЪ, по имени Кресвель; онЪ обработывалЪ свои земли, и сею мудрою экономіею пріобрѣлЪ столько имѣнія, что могЪ дать дѣтямЪ своимЪ порядочное воспитаніе. Многочисленное его семейство возрастало около его, какЪ младыя растенія на землѣ тучной.

При всемЪ мечтаніи, которое помогало Оливіи сносить отсутствіе ея любовника, сердце ея часто служило добычею чувствительнѣйшихЪ печалей. Но дружество пришло ей на помощь;

мощь; она познакомилась съ молодою особою, называемою Миссъ Пелгамъ, съ которою встрѣтилась она въ домѣ Г. Кресвеля. Миссъ Пелгамъ, привыкшая жить въ столицѣ, къ пріятностямъ разума присоединяла большое познаніе свѣта. Какъ она была дочь богатаго купца, то отецъ ея ничего не щадилъ къ ея просвѣщенію. Узелъ, связывавшій съ самаго младенчества Фанни Кресвель и любви достойную Пелгамъ, принудилъ сію послѣднюю оставить на три мѣсяца шумныя городскія веселости, чтобъ вкусить у своего друга существеннѣйшія. Голдвинъ и Кресвель часто соединяли свое семейство, и давали праздники и балы, на которые приглашали всѣхъ молодыхъ окружныхъ особъ. Сіи добрые и снизходительные отцы позволяли имъ также играть комедіи; для того что они знали, что онѣ служатъ къ изученію произношенія и къ открытію пріятностей лица.

Удобность, которую имѣла Оливія, обращаться съ Элизою Пелгамъ, послужила ей къ открытію въ ея характерѣ сообразности съ своимъ; онѣ-то воз-

возродилЪ между ими дружество, которое каждой день увеличивалось. Элиза вездѢ приписывала красотѢ Оливіиной похвалы; и когда говорили о ней сЪ хладнокровіемЪ, то она удивлялась, что осмѢливались такимЪ образомЪ презирать прелести ея друга; она не думала, чтобЪ можно было взирать на красоту ея, не ослѢпившись ею. Будучи старѢе Оливіи нѢсколькими годами, примѢтила по своей опытности причину печали, которая принуждала ее воздыхать. „Тщетно, говорила она ей, стараетесь вы сокрыть причину вашей задумчивости: вы любите, и любовь принуждаетЪ васЪ предпочитать уединеніе; я говорю вамЪ о минувшихЪ злоключеніяхЪ, кои я сама претерпѢла отЪ сей страсти, которая нами обладаетЪ. ОдинЪ молодой человѢкЪ, которой по наружности своей умѢлЪ меня прельстить, получилЪ отЪ моихЪ родителей соизволеніе вступить со мною вЪ бракЪ; но вѢроломной вдругЪ прервалЪ свои обязательства и соединился сЪ другою, которой имѢніе превышало мое. Судите, любезная

ная моя Оливія! сколько сердце мое должно было тогда претерпѣвать! но самолюбіе излѣчило меня, и разумъ съ того времени научилъ меня предохранять отъ подобныхъ сѣтей тѣхъ изъ моего пола, которыя могли бы попасть въ оныя.„

Таковая довѣренность не только не произвела спокойствія въ колеблющемся Оливіиномъ сердцѣ, но возродила въ ономъ еще новыя смятенія; она содрогалась, помышляя, что Давонпортъ находился въ Лондонѣ, что онъ могъ сдѣлать тамъ другія обязательства, и пожертвовать ею честолюбивымъ намѣреніямъ. Когда она согласна была открыться, то Миссъ Пелгамъ заключила дружественной союзъ; но она еще не получила того, чего ожидала отъ Оливіи, которая не осмѣливалась еще ввѣрить ей тайну, коей обѣщала она Даванпорту никогда не открывать.

Однако насталъ тотъ день, въ которой питомцы Г. Голдвина должны были возвратиться къ своему учителю. Ванъ пріѣхалъ первой, провожаемой двумя служителями, и привезъ

съ

съ собою много подарковъ для Г. и Гжи. Голдвинъ и для Оливіи. Онъ подарилъ ей попугая и Испанскую собачку рѣдкой породы, что приняла она со скромнымъ видомъ, не осмѣлившись отъ нихъ отказаться, чтобъ его не оскорбить. Не смотря на худое состояніе здоровья его отца, радость блистала въ глазахъ Вановыхъ; онъ ласкался, что отсутствіе его соперника содѣлаетъ его пріятнымъ Миссъ Эфордъ, съ которою онъ всегда надѣялся вступить въ бракъ, какъ скоро смерть отца его учинитъ его свободнымъ сдѣлать выборъ. Уже онъ думалъ, что Даванпортъ не возвратится, какъ вдругъ показался онъ въ залѣ, въ которой вся фамилія обѣдала съ Голдвиновыми питомцами. Никакое явленіе не причиняло равномѣрнаго сему изумленія, каковое испытали тогда Ванъ и Оливія: она покраснѣла, дрожащія ея уста не могли произнести ни одного слова, и ея блуждающія взоры едва осмѣлились остановиться на любимомъ предметѣ. Даванпортъ въ не меньшемъ былъ движеніи; возхищенія его оказывали его ра-

радость, и доброй Голдвинъ, не знающій причины его удовольствія, котораго большую часть приписывалъ себѣ, заключаетъ его въ свои объятія, и оказываетъ ему нѣжнѣйшіе знаки любви. Ванъ, увидѣвши тогда всю свою надежду изчезшею, принялъ на себя притворство и изъявлялъ отборными словами удовольствіе, которое по видимому причинило ему Даванпортово возвращеніе. Онъ такимъ образомъ надѣялся обмануть своего соперника и снискать прежнюю его довѣренность, чтобъ способнѣе чрезъ то измѣнить ему; но Даванпортъ проникъ въ его намѣреніе по тѣмъ же самымъ усиліямъ, которыя дѣлалъ Ванъ, дабы сокрыть его, и онъ сдѣлался въ разсужденіи его осмотрительнѣе.

Весьма вѣроятно, что двое любящихся желали уклониться отъ взоровъ толикаго числа зрителей, дабы безъ принужденія предаться радости, которую соединеніе ихъ въ нихъ вдыхало. Непредвидѣнныя дѣла принудили Г. и Гжу. Голдвинъ удалиться въ другую комнату: Даванпортъ не опускаетъ сей пріятной минуты, бросается

ся къ ногамъ своей любовницы, осыпаетъ прекрасныя ея руки поцѣлуями и омачиваетъ слезами, и его нѣжныя и прерывистыя слова изъясняли попеременно различныя чувствованія, которыми онъ былъ колеблемъ. Оливія слушала его, и едва отъ упоевавшей ее радости дышала. Душа ея горѣла равнымъ тому огнемъ, которой пожигалъ сердце ея любовника; однако она не осмѣливалась предаться по его примѣру возхищеніямъ своей страсти; но пріятнымъ и трогательнымъ голосомъ увѣдомила его о тѣхъ печаляхъ, о той скукѣ и той нетерпѣливости, которыя причинило ей его отсутствіе, и о той досадѣ, которую она чувствовала при полученіи Вановыхъ подарковъ. Не должно было тратить ни одной минуты; Даванпортъ разсказалъ ей о трудности, которую онъ имѣлъ въ склоненіи отца своего, чтобъ онъ продолжилъ пребываніе его у Г. Голдвина; что онъ не могъ иначе его на сіе согласить, какъ увѣдомивши его о намѣреніи своемъ вступить въ военную службу, и что тогда Лордъ Даванпортъ, посовѣтовавшись съ экономіею,

ко-

которая произойдетъ отъ оставленія его въ томъ домѣ, въ которомъ царствовалъ хорошій порядокъ, далъ ему просительное къ Голдвину письмо, чтобъ обучить его Тактикѣ.

Оливія содрогнулась, помысливши, что Даванпортъ долженъ будетъ нѣкогда ее оставить для исправленія должностей такого состоянія, котораго опасностей она страшилась; глаза ея омочены были слезами; любовникъ ея примѣтилъ оное, и стараясь разогнать занимавшія ее тогда печальныя мысли, подарилъ ей свой портретъ, которой она тотчасъ взяла. Радость изображена была еще во всѣхъ ихъ чертахъ, какъ Голдвинъ и жена его возвратились въ залу. Даванпортъ разговаривалъ съ ними о своемъ отцѣ, и какъ часъ ложиться спать увѣдомилъ ихъ, что должно было разлучиться: то каждой пошелъ предаться отдохновенію, занятъ будучи различными попеченіями.

ГЛАВА 7.

Многіе протекли мѣсяцы, но ревнивой Ванъ не могъ сдѣлать вреда щастію сихъ любовниковъ, которыхъ тщетно старался онъ разлучить. Миссъ Пелгамъ съ своей стороны, видя, что Оливія наблюдала молчаніе о той страсти, которую она съ трудомъ скрывала, многократно убѣждала ее наименовать ей предметъ своей нѣжности; но не могши получить сего открытія, дала ей благоразумные совѣты и возвратилась въ Лондонъ, обѣщавшись Миссъ Элфордъ имѣть съ нею переписку и поспѣшить къ ней на помощь, естьли она когда либо будетъ имѣть нужду въ утѣшеніи; ибо Миссъ Пелгамъ всегда́ опасалась, что молчаніе ея пріятельницы не было ли слѣдствіемъ нещастнаго выбора, въ чемъ она не смѣла ей признаться.

Часто излишество щастія или нещастія заставляетъ забывать благоразуміе въ зрѣломъ возрастѣ; должно ли тогда удивляться, когда юношество и неопытность содѣлываются виновными въ томъ же самомъ преступленіи? При всѣхъ случаяхъ, которые

имѣлъ Даванпортъ видѣть Оливію, гулять съ нею и разговаривать между собою, не могъ онъ возпротивиться, чтобъ не ревновать къ попугаю и собачкѣ, которыхъ подарилъ ей Ванъ. Споры, каковые они имѣли о сей матеріи, не могли имъ измѣнить; но обѣщаніе, котораго Даванпортъ требовалъ отъ Оливіи, дабы не заниматься болѣе такими предметами, которые производили въ немъ столь смѣшную ревнивость, обнаружило ихъ чувствованія предъ Ваномъ гораздо лучше, нежели всѣ труды, которые онъ прилагалъ къ открытію ихъ тайны.

Другой случай совершенно увѣрилъ его, что онъ не имѣлъ никакого права на то сердце, которымъ онъ намѣревался овладѣть. Однимъ утромъ, какъ Оливія упражнялась въ шитьѣ золотомъ, услышала она смѣшанные крики, которые, казалось, происходили на сосѣдственномъ полѣ. Вскорѣ послѣ того увидѣла она вошедшую на дворъ толпу крестьянъ, которые провожали молодаго человѣка блѣднаго и обагреннаго кровію. Сіе страшное зрѣлище сдѣлало ее недвижимою;

но когда она узнала Даванпорта подъ обезображенными чертами молодаго умирающаго человѣка, то изпустила пронзительной вопль, и упала въ обморокъ; тотчасъ прибѣжали къ ней на помощь, и съ великимъ трудомъ привели ее въ чувство. Она спрашивала слабымъ голосомъ, какая варварская рука искала похитить у ней друга; наконецъ услышала она, что Даванпортъ былъ на охотѣ, что ружье у него розорвало и что онъ раненъ былъ въ руку и плечо. Сіе было для Оливіи новою причиною страха: она чувствовала ту болѣзнь, которую любовникъ ея долженъ былъ претерпѣть при операціи, которая была нужна; и не могши пренести воображенія о томъ, предалась величайшему отчаянію.

Однако Даванпортова рана не принудила его быть долгое время въ разлукѣ съ тою, которую онъ обожалъ, и Голдвинъ и жена его разсказывали ему объ Оливіиномъ припадкѣ, какъ о дѣйствіи великой ея чувствительности. Сіе повѣствованіе дало знать Даванпорту, что на имѣли никакого по-

подозрѣнія на Оливіины чувствованія. Двое любящихся воспользовались симъ, чтобъ увидѣться въ маленькомъ лѣску въ одной милѣ отъ дому: одинъ не опустилъ той минуты, когда священникъ занимался духовными своими должностями; а другая, подъ видомъ, чтобъ побывать въ своемъ птичникѣ, побѣжала на назначенное мѣсто.

Сіи частыя отсутствія не могли укрыться отъ главъ примѣчательнаго Вана, и тотчасъ узналъ онъ то мѣсто, куда любовь водила Оливію столь рано. Спрятавшись за кустъ, увидѣлъ онъ Даванпорта, осыпающаго поцѣлуями руку Оливіину, и съ досадою усмотрѣлъ обворожающую улыбку, съ какою принимала она его восторги. Тысячекратно предпринималъ онъ показаться, сдѣлать ей жесточайшіе упреки, напасть на своего соперника и его низвергнуть; но страхъ возбудить ея ненависть утишилъ его ярость. Минуту спустя, рѣшился онъ увѣдомить Голдвина, сдѣлать его свидѣтелемъ сей сцены и отмстить за предпочтеніе, которое вонзало кинжалъ въ его сердце. Многія другія предначинанія

по-

попеременно другъ за другомъ слѣдовали; но Ванъ окончилъ ихъ своимъ уходомъ, намѣреваясь увѣдомить Оливію, при первомъ благопріятномъ случаѣ, что не не извѣстны о союзѣ ея съ Даванпортомъ. Въ послѣдствіи сочинилъ онъ стихи, въ которыхъ научалъ прекрасную Оливію не вѣрить любовнымъ клятвамъ пастуха Стрефона; онъ давалъ ей знать, что пастухъ сей былъ не иное что, какъ вѣроломецъ, которой хотѣлъ ее обмануть; совѣтовалъ ей по томъ вникать болѣе въ будущее, и не ходить ни на поля ни въ лѣсочки безъ вѣрнаго и разумнаго путеводителя. Послѣ сего вложилъ онъ бумажку, на которой написаны были сіи стихи, въ ту книгу, которую Оливія должна была читать предъ своимъ опекуномъ.

Какое было изумленіе Оливіино, читая написанное! Она не сомнѣвалась, чтобъ не Ванъ открылъ тайну ея сердца, и чтобъ стихи сіи не были его сочиненія. Однако она не осмѣлилась сказать ему ни одного слова о томъ, что ее встревожило; но смятеніе ея и стыдъ, когда она его увидѣла, увѣ-

увѣрили его въ успѣхѣ, которымъ онъ ласкался. Тщетное торжество! ежели бы Ванъ зналъ человѣческое сердце, то уразумѣлъ бы, что дѣлать помѣшательство склонностямъ той, которой онъ хотѣлъ понравиться, есть не что иное, какъ давать ей новую причину его ненавидѣть. И съ сей-то минуты сдѣлался онъ ненавистнымъ Миссъ Эфордъ, которая взирала на него какъ на подсматривальщика за ея поведеніемъ.

Однако данный имъ ей совѣтъ сдѣлалъ ее предъ прочимъ гораздо осторожнѣйшею въ разсужденіи всѣхъ своихъ и своего любовника отлучекъ. Она настояла на то, чтобъ Даванпортъ болѣе остерегался будущаго и менѣе бы искалъ случаевъ говорить съ нею на единѣ. Опасаясь между имъ и его соперникомъ ссоры, ежели бы онъ узналъ причину ея настояній, приписывала она ихъ единственно только страху возбудить въ сердцѣ Голдвиновомъ подозрѣніе. Такимъ образомъ протекли многіе мѣсяцы, такъ что никакой необычайной случай не возмутилъ Оливіина спокойствія. Другая

гая вакація похитила у ней любовника, но сіе служило къ содѣланію его нѣжнѣйшимъ и усерднѣйшимъ, нежели прежде. Отецъ Вановъ продолжалъ ослабѣвать въ своемъ здоровьѣ, что предвозвѣщало приближающуюся смерть. Лордъ Даванпортъ занимался всегда стараніемъ сыскать Порутческое мѣсто для своего сына, и отправилъ его къ Голдвину съ обѣщаніемъ въ скорости отозвать его. Миссъ Пелгамъ имѣла съ Миссъ Элфордъ порядочную переписку, и шутила надъ нею или бранила ее за наблюдаемое ею опасеніе и за тайну, которой не хотѣла она ей сообщить. Сія тайна, отъ которой зависѣло щастіе или нещастіе Оливіи, скоро обнаружилась однимъ приключеніемъ, которое отравило всѣ ея радости.

ГЛАВА 8.

Въ день рожденія Оливіина, когда она вступила на осьмнатцатой годъ своего возраста, Г. Голдвинъ сдѣлалъ праздникъ, на которой собрались всѣ въ сосѣдствѣ находящіяся молодыя дѣви-

дѣвицы. Послѣ хорошаго обѣда начали танцовать, и балъ никогда не былъ столько веселъ. Даванпортъ занимался на онемъ только прекрасною своею любовницею; онъ не преставалъ ей удивляться, и хотя на семъ праздникѣ много было молодыхъ дѣвицъ, которыхъ прелести заслуживали его одобреніе, но для глазъ его помрачаемы онѣ были красотою Миссъ Эльфордъ. Радость блистала на лицѣ его; онъ предался ей съ восхищеніемъ, какъ вдругъ увѣдомили его, что посланной отъ отца его требовалъ переговорить съ нимъ. Досадуя, что прервали его танцы, отдаетъ Оливіину руку одному изъ своихъ друзей, и бѣжитъ узнать причину сей посылки. Посланной вручаетъ ему одно письмо отъ его отца къ нему, а другое къ Г. Голдвину, которой тотъ же часъ и получилъ его. Безпокойный и трепещущій Даванпортъ стремительно развертываетъ письмо, которое на его имя было надписано, и узнаетъ, что онъ не безъ причины тревожился. „По полученіи моего письма пріѣзжай, писалъ къ нему отецъ его; ты имѣешь мѣ-

мѣсто Корнета въ конномъ полку, въ гарнизонѣ въ Ирландіи. Хотя я не сомнѣваюсь о желаніи твоемъ отличить себя въ томъ состояніи, въ которое ты долженъ вступить; но я имѣю нѣкоторыя намѣренія о бракѣ, которыя задержатъ тебя на нѣсколько мѣсяцовъ въ Лондонѣ.„

Громовой ударъ не производитъ страшнѣйшаго дѣйствія, какое произвело роковое сіе письмо въ Даванпортовомъ сердцѣ. Объятый ужасомъ и изумленіемъ, поднялъ онъ глаза и руки къ небу, не въ состояніи будучи произнести ни одного слова. Наконецъ, когда теченіе слезъ прервало сіе ужасное молчаніе: мнѣ разлучиться съ Оливіею! вскричалъ онъ..... оставить надежду владѣть ею.... соединиться съ другою.... видѣть ее въ объятіяхъ соперника! Нѣтъ, я не могу пережить сего нещастія. Поспѣшность отца моего свидѣтельствуетъ, что бракъ сей положенъ на мѣрѣ!.... Какъ избѣжать того жребія, которой для меня предназначенъ? Какъ дать ему разумѣть, что щастіе мое зависитъ отъ Оливіи?... О небо! какими

сло-

словами я возвѣщу нѣжной Оливіи о томъ ударѣ, которой намъ угрожаетъ? — По томъ предался было онъ печальнымъ своимъ мыслямъ, но Голдвинъ позвалъ его въ свой кабинетъ.

Во всякомъ другомъ случаѣ Даванпортъ летѣлъ къ своему учителю; но въ семъ шелъ онъ къ нему тихими шагами, исполненъ будучи отчаянія. Голдвинъ бѣжалъ къ нему, и не могъ видѣть унынія его безъ величайшаго движенія. Не хотя умножать его печали, принялъ его съ веселымъ видомъ и поздравлялъ его съ производствомъ, котораго онъ долженъ былъ ожидать въ службѣ, гдѣ онъ имѣлъ уже отличной степень. „Вы меня поздравляете! возразилъ Даванпортъ, изпустивъ глубокой вздохъ: ахъ, достойной мой учитель! вы не знаете печали, которую причиняетъ мнѣ мой отъѣздъ. — Однако въ твоихъ лѣтахъ весело освободиться отъ скучныхъ упражненій ученія; впрочемъ ты знаешь, что скоро должно намъ разлучиться. Ты оставляешь друга .... — Скажите лучше отца, котораго нѣжность вознаградила суровость моихъ

родителей. Ахъ, Г. Голдвинъ! для чего не вы творецъ моей жизни? Мой жребій весьма былъ бы отличенъ отъ того, которой меня ожидаетъ.,, Голдвинъ, тронутый чрезмѣрностію его печали, старался утѣшить его всемъ тѣмъ, что дружество и разумъ могли въ него вдохнуть; и видя его нѣсколько успокоившимся, повелѣвалъ ему откинуть свою печаль, дабы не возмутить праздника такою вѣстію, которая непремѣнно должна произвести въ его друзьяхъ радость.

Опасаясь, чтобъ весьма долгое отсутствіе не обезпокоило нѣжную Миссъ Элфордъ, Даванпортъ тотчасъ возвратился къ ней. Оливія подала ему свою руку, когда онъ пришолъ, и ожидала только его, чтобъ снова начать танцовать. Не будучи въ то время встревожена, когда Даванпортъ оставилъ ее, она не примѣтила сначала перемѣны, въ нѣсколько минутъ приключившейся. Но видимое уныніе, которое разлилось по всему его лицу, при всемъ прилагаемомъ имъ усиліи сокрыть его, не могло долгое время не примѣчено быть проницательными очами

ми любви. Она примѣтила, что рука его дрожала, что онъ бросалъ на нее нѣжные и пасмурные взоры, что онъ вздыхалъ, и что онъ удваивалъ вниманіе къ ней. Она весьма желала бы узнать причину сей перемѣны, но не осмѣливалась о томъ навѣдаться, боясь, чтобъ не обрѣсти для себя поводу къ печали. Однако многократно спрашивала она у него, какое онъ чувствуетъ тайное безпокойство; но онъ всякой разъ избѣгалъ, чтобъ ей не отвѣтствовать. Безпокойствія ея умножились бы, ежели бы Голдвинъ, на котораго она отъ времени до времени взглядывала, не ободрялъ ее нѣсколько своимъ спокойнымъ видомъ.

Чѣмъ болѣе Оливія усиливалась разогнать облака, помрачавшія ея радость: тѣмъ болѣе умножала она отчаяніе въ своемъ любовникѣ. Не способенъ будучи болѣе притворяться, просилъ онъ ее, чтобъ она пришла завтра поранѣе въ лѣсокъ, и присовокупилъ, что отъ сего снизхожденія зависѣло его щастіе. Сначала не соглашалась было она на сіе; но увидя, что онъ приходилъ въ гнѣвъ, обѣ-

щалась притти туда, не догадываясь еще о причинѣ, которая побуждала его требовать отъ ней сего свиданія.

На самой зарѣ Оливія пошла на назначенное мѣсто, гдѣ Даванпортъ уже дожидался ее. Приближившись къ ней, говоритъ ей печальнымъ голосомъ: „Оливія! мы должны разстаться.„ По томъ показывая ей письмо своего отца: „читай, продолжалъ онъ, и смотри, по напрасну ли я печалюсь. — Нещастная! я весьма поздно усматриваю свою погрѣшность; я вижу бездну, въ которую я ввергласъ; для чего я не могу возвратить прошедшаго? Ахъ, Даванпортъ! въ первой разъ должна я разкаяваться, что полюбила тебя.„ Такая же печаль угнѣтала и Даванпортово сердце; однако онъ старался ободрить ее; повторялъ ей клятвы быть ей вѣрнымъ; клялся, чтобъ никогда не соглашаться на намѣреніе отца своего, и при помощи любви и обнадеживаній вліялъ нѣкоторое спокойствіе въ ея сердце. Они многократно бросались другъ къ другу въ объятія; никогда не казалась для него Оливія прекраснѣйшею

и

й чувствительнѣйшею: она брала руку своего любовника, прижимала ее къ своимъ устамъ, къ своему сердцу: „Здѣсь, вскричала она, здѣсь одинъ ты царствуешь. . . . Но мы должны разлучиться! . . . . Отсутствіе прервать можетъ быть твои узы. . . . Я не увижу тебя, и буду оплакивать свою участь!„ . . . . Вздохи воспрепятствовали ей продолжать; Даванпортъ смѣшалъ свои стенанія съ Оливіиными.

Однако часъ Голдвинова завтрака наступилъ, и увѣдомилъ ихъ, что должно было возвратиться домой. До сего времени ходили они розно, но въ сіе время шли вмѣстѣ, не имѣя болѣе силы помыслить о неблагоразумномъ своемъ поведеніи. Ванъ увидѣлъ ихъ идущихъ и улыбнулся; Г. и Гжа. Голдвинъ не замѣтили сего; они привыкли видѣть ихъ гуляющихъ въ саду, и ничто еще не открыло обязательства ихъ. Голдвинъ довольно примѣтилъ, что Миссъ Элфордъ была печальна; но всѣ тѣ, которые знали любви достойнаго Даванпорта, опечалены были его отъѣздомъ.

ГЛАВА 9.

Вошедши къ Г. Голдвину, Оливія не припоминала болѣе о клятвахъ Даванпортовыхъ, но взирала только на минуту, которая должна была разлучить ихъ навсегда. Во время завтрака едва могла она себя принудить; всякой разъ, когда она взглядывала на своего любовника, глаза ея наполнялись слезами, и сердце ея испускало вздохи. Наконецъ нещастіе ея столь живо представилось ея воображенію, что она упала съ своего стула безъ чувствъ. Даванпортъ взялъ ее въ свои объятія, и не взирая ни на что, не допускалъ, чтобъ оттащили его отъ нее. Голдвинъ, объятый изумленіемъ, увидѣлъ тогда, что живѣйшее дружества чувствованіе причиняло его сиротѣ печаль; онъ вспомнилъ, что такое же явленіе произходило во время Даванпортовой раны, и изумился, что не проникъ тогда въ сію тайну. Страхъ, что онъ нерадѣлъ о должностяхъ своего званія, произвелъ въ немъ раскаяніе; но не хотя въ сіе время открыться, удалился онъ въ уголъ своей комнаты, гдѣ взявши стулъ, предался печальнѣй-

нѣйшимъ размышленіямъ. Наконецъ Оливія пришла въ чувство, но только для того, чтобъ лучше чувствовать свое нещастіе. Не сомнѣваясь болѣе, чтобъ сей припадокъ не вразумилъ опекуна ея о причинѣ ея болѣзни, не осмѣлилась на него взглянуть, и просила позволенія удалиться въ свою спальню. Гжа. Голдвинъ проводила ее туда, и приказавши смотрѣть за Миссъ Элфордъ, пошла къ своему супругу.

Голдвинъ въ сію минуту казался погруженнымъ въ глубокую задумчивость. Когда жена его сѣла на обыкновенномъ своемъ мѣстѣ, то онъ взглянувъ на нее и изпустивъ глубокой вздохъ, говорилъ: „Мы были слѣпы и неразумны; сіи дѣти другъ друга любятъ; я увѣряюсь въ томъ тысячію различными опытами, но уже весьма поздно о нихъ припамятываю. . . . Что предпринять? Ничто не можетъ возпрепятствовать сей жестокой разлукѣ . . . Безполезно теперь помышлять о приведеніи ихъ въ разумъ; но наши совѣты могутъ вспомоществовать имъ, чтобъ съ бодростію

снести ихъ нещастіе . . . Бѣдная Оливія ! . . . Безразсудный Даванпортъ ! „ Доброй Голдвинъ не могъ окончать, не проливши слезъ.

Добродѣтельная Голдвинова супруга, съ сожалѣніемъ увидѣвшая супруга своего, вдавшагося въ толикія безпокойствія, которыя увеличивались еще тѣми упреками, кои онъ самъ себѣ дѣлалъ, прилагала всѣ свои усилія, чтобы ободрить его. „ Время и отсутствіе, продолжала она, скоро изгладятъ такую страсть, которую произвелъ навыкъ. „ Голдвинъ не соглашался на то, что она могла ему сказать; онъ зналъ Оливіино сердце, и не сомнѣвался, чтобъ Даванпортъ не былъ способенъ къ величайшему постоянству. Они занимались еще способами, которые изобрѣтали для возстановленія спокойствія въ сихъ юныхъ сердцахъ, какъ показалась Оливія, и минуту спустя Даванпортъ. Радость, видѣть ее пришедшую въ прежнее состояніе, принудила его летѣть по стопамъ ея; они не подозрѣвали, чтобъ Голдвинъ проникъ ихъ тайну, и Даванпортъ безъ принужде-

нія

нія предался удовольствію, говорить съ нѣжною своею Оливіею. Онъ взялъ ея руку, и изъяснялъ ей, сколько припадокъ ея устрашилъ его. „Я вижу, говоритъ ему Голдвинъ, что страхъ не возвратилъ еще тебѣ разума; усердіе твое и твои возхищенія служатъ мнѣ въ томъ порукою. Что ты дѣлаешь? Ты никогда не былъ въ такомъ движеніи.„ Даванпортъ покраснѣлъ, Оливія содрогнулась, и оба потупили глаза и наблюдали молчаніе. Опасаясь изъясненія, Даванпортъ хотѣлъ было удалиться, но Голдвинъ принудилъ его напиться съ нимъ чаю, чтобъ послѣ взять его въ свой кабинетъ, гдѣ хотѣлъ поговорить съ нимъ о нѣкоторыхъ нужныхъ для его отъѣзду разпоряженіяхъ.

Никогда молчаніе не было лучше наблюдаемо. Двое любящихся не смѣли говорить, опасаясь, чтобъ смутные ихъ взоры не измѣнили имъ; но Г. и Гжа. Голдвинъ не хотѣли умножать ихъ смущенія затруднительными вопросами. Оливія, устрашена будучи тою причиною, которая мог-

ла принудить Голдвина къ разговору съ Даванпортомъ, съ безпокойствіемъ взирала на ихъ выходъ. Въ сію минуту желала она, чтобъ онъ былъ уже въ Лондонѣ; но минуту спустя, не могши снести печальныхъ размышленій, которыя произвело сіе желаніе, съ поспѣшностію вышла изъ залы, и побѣжала въ свою спальню, дабы предаться тамъ чрезмѣрной своей печали. Гжа. Голдвинъ, не хотя оставить ее въ сію толь критическую минуту, слѣдовала за нею, и нашедши ее погруженную въ своихъ слезахъ: „Ахъ, любезная моя Оливія! вскричала она: не скрывай отъ меня причины твоей тоски; имѣй довѣренность къ другу, къ матери, которая желаетъ тебѣ благополучія. . . . . Говори, дитя мое; я пришла для облегченія твоихъ безпокойствъ, а не для умноженія ихъ строгими уроками.„

Ободрена будучи толикимъ снизхожденіемъ, Оливія бросилась къ ногамъ своей благодѣтельницы: „Простите мнѣ, ахъ! простите мнѣ, говорила она ей: забудьте прошедшее, и будьте съ сего времени моею путеводи-

водительницею. Можете ли вы возстановить вЪ сердцѢ моемЪ спокойствіе, которымЪ я нѢкогда наслаждалась? Но, увы! я потеряла сіе щастіе своимЪ неразуміемЪ. . . . Безполезно скрывать отЪ васЪ долѢе мою слабость. . . . Простите ли вы мнѢ ее когда нибудь? . . . НѢтЪ, я не могу, я не должна ласкаться толикимЪ снизхожденіемЪ. . . . КакЪ я снесу взоры моего отца, моего опекуна? АхЪ, сударыня! я не осмѢливаюсь болѢе навывать васЪ нѢжнымЪ именемЪ матери. — Не опасайся ничего отЪ гнѢва моего супруга, ежели впредь будешь искреннѢе и когда не отвергнешь наставленія тѢхЪ, которые тебя любятЪ; но ежели вЪ другой разЪ презришь наши совѢты, то другое оскорбленіе не будетЪ столь легко прощено." Оливія обѢщала ничего болѢе не предпринимать безЪ согласія толь нѢжнаго друга; и чтобЪ оказать ей опытЪ своей искренности, то разсказала ей о всѢхЪ обстоятельствахЪ своего сЪ ДаванпортомЪ союза. СЪ такою же откровенностію изЪявила она ей страхЪ свой, что она не вЪ состо-

стояніи преодолѣть страсть, которая ею овладѣла, и призналась, что щастіе ея зависѣло отъ Даванпортова постоянства. Гжа. Голдвинъ, выслушавши ее, не сдѣлала ей никакого выговору. Страданіе, которое претерпѣвала Оливія, довольно ее наказывало, такъ что не надобно было присовокуплять свои укоризны къ тѣмъ, которыя сама себѣ дѣлала прекрасная сирота. По приложеніи старанія, чтобъ ее успокоить, удалилась она, дабы увѣдомить своего мужа о тѣхъ разговорахъ, которые она имѣла съ Оливіею. Голдвинъ съ своей стороны говорилъ съ Даванпортомъ, и нашелъ также его расположеннаго открыться ему о своемъ союзѣ, но болѣе рѣшившагося защищать оной. Онъ говорилъ Г. Голдвину, что онъ любилъ Оливію съ самаго младенчества, и что любить ее будетъ по смерть свою; онъ старался извинить ее, взлагая на себя порицаніе, которое она могла заслужить. Онъ сказывалъ, что Оливія никогда не соглашалась говорить съ нимъ на единѣ безъ величайшаго сопротивленія, и что она часто

сто выговаривала ему за то притворство, которое онъ принуждалъ ее употреблять противъ единственныхъ друзей, которыхъ Провидѣніе ей низпослало. Г. Голдвинъ выговаривалъ ему сначала съ кротостію, что онъ его обманывалъ; а по томъ представлялъ ему о тѣхъ нещастіяхъ, въ которыя вовлечетъ его сія страсть. „Никогда не долженъ ты ласкаться, говорилъ онъ ему, изпросить у отца твоего соизволенія на оную. Безъ сомнѣнія предастъ онъ тебя нещастному твоему жребію, ежели ты не будешь ему повиноваться. Хотя Оливія бѣдна и неизвѣстнаго роду, однако я никогда не попущу, чтобъ она отказалась отъ преимущества своего пола, слушая молодаго человѣка, которой не осмѣлится признать ее публично своею женою. И такъ излѣчись отъ сей безумной страсти, или я увѣдомлю о ней твоего отца. — Я отказываюсь отъ имѣнія и преимуществъ моего чину, вскричалъ Даванпортъ, бросясь къ Голдвиновымъ ногамъ; не будьте столь жестоки, какъ тотъ, которой произвелъ меня на свѣтъ, дабы меня мучить. Дай-

Дайте мнѣ Оливiину руку, и сдѣлайте меня щастливѣйшимъ изъ людей. Я удалю отъ себя бѣдность посредствомъ честнаго труда, и въ посредственномъ состоянiи, во обладанiи Оливiинымъ сердцемъ обрѣту драгоцѣннѣйшiя тѣхъ сокровища, которыя опредѣляютъ мнѣ съ утратою моего щастiя. — Ты будешь инакимъ образомъ говорить, естьли узнаешь свѣтъ; не дѣлай такихъ пожертвованiй; онѣ послѣдуемы будутъ чувствительнымъ раскаянiемъ.,,

Сей толь мудрой совѣтъ показался Даванпорту неслыханною жестокостiю. Не могши вдохнуть въ своего воспитателя своей страсти, оставилъ онъ его, увѣряя, что никакая власть на землѣ не можетъ нарушить вѣрности, которою клялся онъ своей любезной. Голдвинъ воротилъ его, и взялъ съ него обѣщанiе, дабы ничѣмъ не покушаться безъ его вѣдома на вольность его питомицы, а особливо не входить съ нею въ переписку, что тогда и на семъ единомъ условiи приметъ онъ участiе въ благосклонности къ нему Лорда Даванпорта, ежели онъ имѣетъ въ ней нужду. Ис-

Искусство, каковое употребилЪ ГолдвинЪ для утишенія пылкой страсти молодаго человѣка, столько надежды вдохнуло вЪ Даванпорта, что онЪ склонился на все то, чего онЪ отЪ него требовалЪ; онЪ сносилЪ сЪ равнымЪ терпѣніемЪ и то принужденіе, что онЪ видалЪ Оливію только вЪ присутствіи ея опекуна. Но ихЪ взгляды дополняли все то, о чемЪ они желали бы поговорить, и сей нѣмый языкЪ, будучи недостаточенЪ для толь нужнаго времени, утѣшалЪ ихЪ однакожЪ тою достовѣрностію, что не сердятся болѣе на нихЪ тѣ двѣ особы, коихЪ столько они почитали, сколько были отЪ нихЪ любимы.

ГЛАВА 10.

Ужасная та минута наступала, вЪ которую нещастной ДаванпортЪ долженЪ былЪ разлучиться сЪ достойнымЪ своимЪ попечителемЪ и дражайшею своею Оливіею. Не было такого мгновенія, вЪ которое бы могЪ онЪ ей сказать, вЪ которое бы могЪ ее

увѣритъ, сколько отъѣздъ раздираетъ его сердце. Уже почтовыя лошади ожидали его, и неподвижный Даванпортъ не имѣлъ силы встать съ своего стула. Голдвинъ, жена его и Оливія наблюдали глубокое молчаніе; Даванпортъ бросалъ на нихъ печальные взгляды. Оливія, не могши долѣе удержать своихъ слезъ, бросилась въ объятія Гжи. Голдвинъ, и произносила горькія жалобы, прерываемыя вздохами. Сіе явленіе могло содѣлаться плачевнымъ для Даванпорта, котораго разумъ начиналъ заблуждаться. Голдвинъ вывелъ его на дворъ, и принудилъ его сѣсть въ коляску; по томъ возвратился онъ, чтобъ подать помощь нещастной Оливіи, состояніе которой вдыхало нѣжнѣйшее соболѣзнованіе. Они не употребляли тогда ни совѣтовъ ни другихъ утѣшительныхъ способовъ, которые были бы безполезны; они напротивъ дали ей свободу предаться всей своей печали; но когда чрезмѣрность оной изчерпала ея слезы, и когда Оливія прибѣгла къ дружеству, то они ничего не щадили,

дабы

дабы возстановить спокойствіе въ ея душѣ.

ГЛАВА II.

Оставимъ на нѣсколько времени Оливію, а послѣдуемъ за нещастнымъ ея любовникомъ въ столицу Великобританіи. Какъ скоро пріѣхалъ онъ въ домъ своего отца, то приказано было ему итти въ его покой. Тамъ нашелъ онъ Лорда и Лади Даванпортъ, которые приняли его съ изъявленіями любви, которыя для Даванпорта были необыкновенны. Сестра его и старшій братъ, казалось, также позабыли свою гордость и холодность, чтобъ поздравить его съ возвращеніемъ его въ отеческой домъ, и приписывали похвалы благородству его вида и пріятности его лица. Лордъ Даванпортъ многократно пожималъ его руку, и отдалъ ему патентъ на чинъ Корнета, обѣщавая прибавить къ содержанію его двѣсти фунтовъ стерлинговъ, естьли онъ пребудетъ довольнымъ его поведеніемъ.

Не удивительно, что Даванпортъ, столь отлично принятый своими родителями, которыхъ суровости онъ страшился, забылъ на минуту ту печаль, которую причинило разставаніе съ Оливіею, дабы предаться удовольствію, что онъ увидѣлъ толь щастливую перемѣну. Но ежели бы проникъ онъ тогда причину толикихъ знаковъ любви; ежели бы будущее открыто было предъ его глазами: то сердце его возтрепетало бы при воззрѣніи на безчисленныя нещастія, которыя сіе принятіе ему приготовляло.

По семидневномъ пребываніи въ Лондонѣ приказалъ отецъ любви достойнаго Даванпорта ѣхать ему съ собою въ замокъ. Дорогою увѣдомилъ онъ его о намѣреніи, которое онъ имѣлъ, ѣхать обѣдать къ одному изъ своихъ друзей, которой давно желалъ его видѣть, и узнать, справедливы ли приписываемыя ему похвалы. Сія уловка чудеснымъ образомъ удалась. Самолюбіе Даванпортово тронуто было столь хитрыми и ласкательными словами; онъ рѣшился ничего не щадить, дабы оправдать то хорошее мнѣніе, ко-

которое уже имѣли о его достоинствѣ. Лордъ Даванпортъ разсказывалъ ему тогда, что сей другъ назывался Майнардомъ, что онъ былъ вдовъ, и обладалъ несмѣтнымъ богатствомъ, которое онъ каждой день умножалъ посредствомъ коммерціи; что онъ имѣлъ одну дочь, единственную свою наслѣдницу, о которой думали, что она назначена въ супруги одному Графу, которой съ давняго времени искалъ вступить въ союзъ съ симъ почтеннымъ купцомъ.

Какъ въ сію минуту коляска приближилась къ Майнардовымъ воротамъ, то Лордъ Даванпортъ не говорилъ уже болѣе о немъ. Они прошли большую переднюю, гдѣ находились многіе служители въ ливреѣ хозяина дому; по томъ вошли они въ богатоубранной покой, въ которомъ Майнардъ и дочь его приняли ихъ съ такимъ усердіемъ, каковое изъявляютъ особамъ вышшаго достоинства, которое ласкаются сами получить.

Не смотря на множество любовниковъ, которыхъ имѣніе Миссъ Майнарды привлекало къ ея ногамъ, сердце

ея возчувствовало непреоборимую склонность къ любви достойному Даванпорту. Она видала его только во время его младенчества; съ того времени предпочитала она его предъ всѣми изъ его пола. Когда она пришла въ такой возрастъ, что отецъ ея помышлялъ отдать ее въ супружество: то она объявила ему свое желаніе имѣть своимъ супругомъ Эдуарда Даванпорта. Г. Майнардъ, не могши ни въ чемъ отказать такой дочери, которую онъ любилъ, искалъ случая поговорить о томъ съ Лордомъ Даванпортомъ. Сей, почитая себя весьма щастливымъ, что могъ доставить своему сыну столь богатую партію, принялъ предложеніе, и назначилъ день торжествованія брака непосредственно послѣ пріѣзду своего сына. Сіи разпоряженія произходили безъ вѣдома двухъ особъ, весьма желающихъ быть о томъ увѣдомленными. Майнардъ не сомнѣвался, чтобъ дочь его не согласилась на оныя; но онъ не былъ увѣренъ о чувствованіяхъ Эдуарда Даванпорта. Сіе-то самое побудило его обходиться съ нимъ столь

ласково, и сія то была причина, что Даванпортъ отличнымъ образомъ принятъ своею матерью, братомъ и другими своими сродниками.

Хотя Миссъ Майнардъ не была опасная соперница въ разсужденіи красоты своего лица; однако она имѣла довольно пріятностей, чтобъ покорить такое сердце, которое не было заражено другимъ предметомъ. Она была росту малаго, но статнаго, и обращенія ея были пріятны. Черты ея изъявляли веселость, и глаза ея показывали болѣе живости, нежели нѣжности. Не сомнѣваясь, чтобъ она не была назначена Даванпорту, безъ страха предалась удовольствію его видѣть, и тогда только была весела, когда онъ былъ веселъ. Онъ имѣлъ особенное вниманіе ко всему тому, что она говорила; хвалилъ ея голосъ, когда она пѣла, удивлялся успѣхамъ ея на фортопіано, и часто ласкательнѣйшими словами говорилъ о способности и ясности, съ каковыми она изъяснялась на Французскомъ и Италіянскомъ языкахъ.

Лордъ Даванпортъ, доволенъ будучи симъ первымъ свиданіемъ, позвалъ на другой день поутру сына своего въ кабинетъ свой, и по разсужденіи о разныхъ дѣлахъ, потребовалъ отъ него мнѣнія о Миссъ Майнардѣ. Обольщенъ будучи тою отличностію, каковую изъявила ему богатая наслѣдница, отъ которой столько молодыхъ господъ искали пріятнаго взгляду, говорилъ онъ о ней съ похвалою. „Ты щастливѣйшій изъ смертныхъ, говорилъ ему отецъ его, вскочивши съ возхищеніемъ; по томъ, многократно его обнимая, продолжалъ онъ: вотъ сто гиней, возьми ихъ и употреби на платье; я пойду увѣдомить будущаго твоего тестя, что мы тогда будемъ праздновать свадьбу, когда онъ за благо разсудитъ.„

Изумленный и смущенный Даванпортъ не имѣлъ силы отвѣтствовать. Отецъ его, не зная, что онъ наносилъ сердцу своего сына смертельной ударъ, приписывалъ молчаніе его той радости, которую причинило ему неожидаемое щастіе. Онъ оставилъ его, приказавши ему итти къ Миссъ Май-

Майнардѣ, чтобъ возблагодарить ей за столь лестное предпочтеніе. Но не настала еще та минута, чтобъ ему повиноваться; ибо едва только Даванпортъ могъ свободно подумать объ услышанной имъ новости, то съ ужасомъ усмотрѣлъ опасность своего положенія. „Оливія! любезная моя Оливія! вскричалъ онъ: могу ли я тебя оставить? могу ли я соединиться съ другою, кромѣ тебя? я слышу твои упреки, вижу твои слезы. Нѣтъ, я не въ состояніи повиноваться тебѣ, жестокой отецъ! я предпочитаю бѣдность предъ стыдомъ измѣнить своему слову.„

За сими размышленіями послѣдовали другія, которыя повергли его въ новое замѣшательство. Какъ заставить отца своего покинуть то намѣреніе, о которомъ онъ столь долгое время думалъ? Какъ принудить Голдвина согласиться, чтобъ онъ выдалъ за него Миссъ Элфордъ безъ вѣдома такого отца, котораго приказанія были толь рѣшительны? Отягченный печалію, раздираемый угрызѣніемъ совѣсти, колеблющійся попеременно ме-

жду страха и надежды, выдумывалъ разные способы, которые тотчасъ опровергаемы были другими предпрія-тіями.

Находясь въ неизвѣстности, что предпринять и чему слѣдовать онъ долженъ, рѣшился ожидать всего отъ Провидѣнія, могущество котораго научилъ его почитать Голдвинъ. Въ сію-то критическую минуту почувствовалъ онъ, сколько религія утѣшаетъ тѣхъ, которые ищутъ въ правилахъ ея путеводца своихъ дѣйствій, и наконецъ рѣшился повиноваться своему отцу.

Покорившись волѣ своихъ родителей, нещастный Даванпортъ сокрылъ свою печаль, и согласился, чтобъ назначили день, въ которой вести его къ алтарю. Шестьдесятъ тысячь фунтовъ стерлинговъ приданаго, и сердце такой женщины, которая привлекала желанія блистательнаго Двора, казались ему весьма слабою заплатою за ту жертву, которую онъ сдѣлалъ, отказавшись отъ надежды обладать Оливіею. Майнардъ, достигшій на верьхъ своихъ желаній, не щадилъ ни

иждивенія ни трудовъ, чтобъ торжествовать бракъ сей съ пышностію. Прекрасные экипажи, драгоцѣнныя мебели, великолѣпной домъ, галантерейныя вещи, отмѣнный сервизъ, ожидали новобрачныхъ по совершеніи обряда, которой навсегда разлучалъ двухъ любовниковъ, соединенныхъ нѣжнѣйшими узами. Даванпортъ на нѣсколько времени ослѣпленъ былъ окружавшимъ его блескомъ, и между тѣмъ, какъ Оливія воздыхала, предался онъ блистательнымъ позорищамъ, которыя принесли ему новое удовольствіе съ начала его брака.

Въ двадцать лѣтъ будучи обладателемъ безчисленнаго богатства, сдѣлавшись свободнымъ предаться безъ опасенія всѣмъ своимъ желаніямъ, должно ли удивляться, что Даванпортъ обольщенъ былъ на нѣсколько мѣсяцовъ тѣмъ, что онъ имѣетъ столько способовъ удовлетворить своей суетности? Оставимъ его въ томъ очарованіи, которое его ослѣпило, а обратимся къ безмятежному жилищу почтеннаго Голдвина.

ГЛАВА 12.

Уединеніе сего удаленнаго отъ города мѣста питало Оливіину печаль. Тщетно ласкалась она забыть въ отсутствіи предметъ, причинявшій ей мученіе; отсутствіе умножало страсть ея къ нему, и удваивало ея безпокойствія. Страхъ оскорбить достойныхъ своихъ опекуновъ заставлялъ ее въ молчаніи терзаться печалію, которая ее угнѣтала; она даже старалась не произносить и имени его; но обрѣтала образъ его во всѣхъ тѣхъ, которые его любили. Въ задумчивости пробѣгала она тѣ мѣста, гдѣ они бывали вмѣстѣ; садовой кабинетъ, въ которомъ онъ открылся ей въ своей любви, содѣлался для ней пріятнымъ пребываніемъ. Часто воображала она, что слышитъ его голосъ; при малѣйшемъ движеніи листковъ ласкалась она, что идетъ онъ предстать предъ глаза ея. Во время сихъ уединенныхъ прогулокъ вынимала она изъ своей пазухи портретъ своего любовника, разговаривала съ нимъ нѣжнѣйшимъ образомъ, и всегда оканчивала тѣмъ, что окропляла его свойми

ми слезами. Таково было положенiе Оливiи въ то время, когда любовникъ ея пожертвовалъ ею отцовской власти.

Среди всѣхъ мученiй, раздиравшихъ Оливiино сердце, несноснѣйшее для нее было почтенiе, воздаваемое ей предметомъ всей ея ненависти. Ванъ не переставалъ надѣяться снискать ея къ себѣ благосклонность. Какъ отсутствiе его соперника не препятствовало ему удвоивать свои старанiя, то онъ не опускалъ никакого случая, въ которомъ бы могъ изъявить Миссъ Элфордъ, сколько онъ желалъ заставить ее любить себя. Голдвинъ и жена его взирали на сiю перемѣну съ удовольствiемъ; они обѣщали себѣ изъ того величайшiя выгоды для своей сироты, когда Ванъ открылся имъ, что онъ предложитъ Миссъ Элфордъ свою руку, какъ скоро онъ будетъ властенъ располагать ею по своему произволенiю.

Однако они довольно примѣтили по вреду, каковой причинила печаль Оливiиной красотѣ, что она питала еще къ Давампорту страсть, которая

всегда

всегда противоборствовала Вановымъ намѣреніямъ. Естьли приказать забыть его, то сіе значило бы по пустому обезчестить свою власть; естьли принудить ее посредствомъ совѣтовъ отбросить надежду, которую произвели въ ней его клятвы, то и сіе было бы безполезно. Они совѣтовались еще о способахъ, которые бы они могли употребить для погашенія въ ея сердцѣ пожиравшаго ее пламени, какъ получили они письмо отъ Милорда Даванпорта, которой увѣдомлялъ ихъ о бракосочетаніи своего сына.

Нѣсколько минутъ смотрѣли они другъ на друга въ молчаніи, и изумленіе ихъ умножилось, когда они перечитывая нѣсколько разъ письмо, увѣрились въ истиннѣ. „Какимъ образомъ увѣдомимъ мы Оливію о сей новости? спрашивала Гжа. Голдвинъ своего мужа. Поищемъ благопріятной минуты, чтобъ излишняя поспѣшность не учинилась для ней плачевною. Она нѣсколько дней будетъ стенать, но тщеславіе ея и презрѣніе заставятъ ее наконецъ забыть вѣроломнаго, которой столь скоро ее позабылъ.„ Хотя

тя Голдвинъ никогда не ласкался, чтобъ Даванпортъ могъ преодолѣть предразсужденіе его родителей касательно до бракосочетанія съ особою низшаго состоянія; но столь скорая перемѣна его питомца не понравилась ему; для того что онъ усмотрѣлъ изъ сего вѣтренность его, къ которой чтобъ онъ былъ способенъ, того онъ въ немъ никогда не подозрѣвалъ.

Въ самой день полученія письма Голдвинъ, будучи въ залѣ, въ которой жена его и Оливія занимались шитьемъ, сказалъ имъ, что разнеслась по селу новость, которой онъ едва можетъ вѣрить; что увѣрили его, будто Эдуардъ Даванпортъ женился на единой наслѣдницѣ богатаго купца. Оливія поблѣднѣла, показались на глазахъ ея слезы и омочили ея работу. Голдвинъ тотчасъ перемѣнилъ содержаніе разговора, а Оливія почувствовала такое волненіе духа, которое не попустило ей насладиться пріятностями сна. На другой день во время завтрака Голдвинъ, вынувши Журналъ, въ которомъ о Даванпортовомъ бракѣ было публиковано,

между другими артикулами читалъ слѣдующее: *Недавно торжествованъ былъ бракъ почтеннаго Эдуарда Девенпорта съ любви достойною Миссъ Майнардою, наслѣдницею имѣнія, которое цѣнятъ въ двести тысячь фунтовъ стерлинговъ.* „О Боже! вскричала Оливія, поднявши руки къ небу: Ты сохранилъ меня для сего нещастія, дабы наказать меня за опущеніе моей должности.„ По томъ, обратясь къ Голдвину и его женѣ: „Простите моей слабости, говорила имъ: сіи слезы суть послѣднія, которыя извлекла изчезшая моя надежда. Впредь ничто не возможетъ отвратить меня отъ вашихъ совѣтовъ; я подвергаюсь всему тому, чего вы будете требовать отъ вашей нещастной дочери.„ Оливіино отчаяніе, ея воздыханія и угнѣтавшія ее нещастія живѣйшимъ образомъ тронули сердце двухъ супруговъ. Гжа. Голдвинъ прижала ее къ своему сердцу; Голдвинъ старался утѣшить ее надеждою щастливѣйшаго будущаго времени; наконецъ не щадили они ни попеченій ни ласкъ, для уменьшенія угнѣтавшей ея сердце печали.

Ме-

Между тѣмъ временемъ отецъ Вановъ умеръ. Въ завѣщаніи своемъ повелѣлъ сыну своему требовать совѣтовъ у честнаго Голдвина во всѣхъ дѣйствіяхъ своей жизни, и изъ признательности оставилъ сему достойному учителю двѣсти фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго доходу. По прошенію молодаго Вана Голдвинъ поѣхалъ съ нимъ для вспомоществованія ему въ полученіи богатаго наслѣдства послѣ его отца. Оба простились съ Оливіею, одинъ давая ей знать, что онъ опять скоро съ нею увидится, а другой удваивая неотступныя свои прошенія забыть вѣроломнаго, которой столь жестокимъ образомъ ее обидѣлъ.

По Голдвиновомъ возвращеніи Оливія дала ему почувствовать, что совѣты его не были презрѣны. Въ одинъ день, какъ онъ былъ одинъ въ своемъ кабинетѣ, просила она у него позволенія поговорить съ нимъ безъ свидѣтелей. „Я пришла васъ просить, говорила она ему краснѣя, отослать сей пакетъ по его надписи. — Что! ты къ Даванпорту пишешь? — Нѣтъ,

но я возвращаю ему портретъ, которой я имѣла слабость принять отъ него въ то время, когда я почитала его достойнымъ сей благосклонности ... Я трепещу, что прикрашивая сею откровенностію ту погрѣшность, въ которой я виновна, не найдете вы болѣе извиненій для моего прощенія. — Ахъ! сколько сія довѣренность умножаетъ мое почтеніе. Не бойся ничего, любезное мое дитя! теперешній твой поступокъ увѣряетъ меня въ твоемъ раскаяніи: да услышитъ небо мои моленія! Твое щастіе и спокойствіе будутъ вознагражденіемъ за сію добровольную жертву. „ По томъ похвалилъ ея благоразуміе и разборчивость, и обѣщался ей въ скорости исполнить возложенную ею на него коммисію. „ Прибавьте къ вашимъ милостямъ, говорила Оливія воздыхая, и сію: увѣрьте Даванпорта, что я желаю ему всегдашняго благополучія. „

Благородное усиліе, которое учинила Оливія, чтобъ презрѣть такую склонность, которая приключала ей нещастіе, послѣдуемо было такимъ вознагражденіемъ, которое получаютъ

толь-

только исполняющіе добродѣтель. Здоровой румянецъ начиналъ играть въ ея лицѣ, спокойствіе разлилось по челу ея, улыбка снова поселилась на розовыхъ ея устахъ, и любезная веселость возродила пріятность въ ея поступкахъ. Сія щастливая перемѣна произошла отъ истиннаго благочестія. Оливія, которая съ самаго младенчества испытала кроткое вліяніе религіи, обрѣла въ оной такія утѣшенія, каковыхъ никакая человѣческая власть не могла бы дать вкусить. . . . . Нещастны тѣ, которые нерадятъ въ обученіи юношества важнымъ должностямъ религіи! Отъ сего-то забвенія произтекаютъ всѣ нещастія, которыя влечетъ за собою порокъ, и всѣ раскаянія, которыя послѣдуютъ за онымъ, когда посредствомъ разума познаемъ мы наши заблужденія.

ГЛАВА 13.

Тишина и спокойствіе царствовали тогда въ сей почтенной фамиліи, и Голдвинъ веселился щастливою перемѣною, которая сдѣлалась въ сердцѣ

его сироты. Уже протекли многіе мѣсяцы со времени Ванова отъѣзда, и говорили о семъ въ ту самую минуту, когда увидѣли остановившійся предъ священниковымъ домомъ прекрасный экипажъ. Одинъ молодой человѣкъ, одѣтый въ черномъ, вышелъ изъ онаго, съ скоростію перешелъ дворъ, и съ стукомъ отворивши двери въ залу, въ которой Голдвинъ сидѣлъ за столомъ съ своею фамиліею, вошелъ въ оную, не давши о себѣ знать. Это былъ Ванъ, которой, не могши того снести, чтобъ быть долгое время удаленну отъ предмета своихъ желаній, пріѣхалъ предложить ей свою руку. Онъ привѣтствовалъ Г. и Гжу. Голдвинъ съ видомъ веселымъ; потомъ оборотясь къ Оливіи, приближился къ ней съ почтеніемъ, смѣшаннымъ со страхомъ; она начала съ нимъ говорить съ улыбкою, и дѣлала ему многіе вопросы съ непринужденнымъ видомъ, которой увѣрилъ его, что неожиданное его возвращеніе не причинило въ ней никакого невыгоднаго движенія.

Голд-

Голдвинъ и жена его изъявляли Вану радость, каковую они чувствовали, увидѣвши его у себя, прося его остаться у нихъ на нѣсколько дней. Это значило исполнить желанія его сердца; да и принялъ онъ предложеніе ихъ съ радостію. Не хотя ничего опустить, чтобъ содѣлаться пріятнымъ той, обладаніе которою учинилось нужнымъ для его щастія, прилагалъ онъ всѣ способы, чтобъ ей понравиться. Зная, что она любила прогулку, возилъ онъ ее съ Гжею. Голдвинъ каждой день въ своей коляскѣ, чтобъ показать ей тѣ мѣста въ провинціи, въ которыхъ природа представляла прелестные виды. Навыкъ быть вмѣстѣ и повторяемыя старанія, чтобъ соображаться съ Оливіинымъ вкусомъ, содѣлали ее чувствительнѣйшею къ толикимъ опытамъ привязанности. Какъ скоро Ванъ примѣтилъ оное, то обьяснился съ Г. и Гжею. Голдвинъ о своихъ намѣреніяхъ, и изпрашивалъ отъ нихъ подкрѣпленія ихъ, дабы Оливія приняла предложеніе его сочетаться съ нимъ бракомъ. Таковое благородное предложеніе не могло быть

не пріятно опекуну и его женѣ, которые взирали на Оливію какъ на усыновленное ихъ дитя. Да и не опустили они ничего, чтобъ дать почувствовать Миссъ Элфордъ важность таковаго союза и благородство Ванова поступка, котораго онъ никогда не перемѣнялъ, хотя и могъ жаловаться на ея холодность. Оливія поблѣднѣла, когда сдѣлали ей предложеніе соединиться съ Даванпортовымъ непріятелемъ. Воображеніе, принять на себя другія обязательства, возобновило въ сердцѣ ея воспоминаніе, что она клялась Даванпорту вѣчною вѣрностію.... Но сей непостоянный любовникъ оставилъ ее. . . . Онъ подалъ ей примѣръ непостоянства. . . . Она могла теперь вооружиться, чтобъ отказаться отъ любви къ нему, возложивши на себя священныя узы. Сіи размышленія столь сильно занимали ее, что она не имѣла силы иначе отвѣтствовать, какъ только своими слезами. Голдвинъ, узнавши, изъ какого источника онѣ произтекали, толковалъ молчаніе ея въ благопріятную Вану сторону, и ободрилъ его слѣдовать своему предначертанію. Голд-

Голдвинова откровенность принудила Вана говорить съ нимъ безъ околичностей. „Не неизвѣстно мнѣ, говорилъ онъ ему, что Миссъ Элфордъ чувствительна была къ оказываемымъ Даванпортомъ знакамъ почтенія; я часто принималъ намѣреніе открыть вамъ объ ономъ, но страхъ сдѣлаться ненавистнымъ принуждалъ меня наблюдать молчаніе о такомъ союзѣ, отъ котораго не льзя было ожидать никакого щастія для вашей питомицы. Теперешнее мое поведеніе должно доказать ей, что я не былъ подлой подсмотрщикъ ея поступокъ, но искренній другъ, которой сожалѣлъ, что не могъ увѣдомить ее о тѣхъ сѣтяхъ, которыя онъ разставлялъ къ собственному своему щастію.„

Сей разговоръ совершенно убѣдилъ Голдвина, что питомица его весьма неблагоразумна будетъ, естьли отвергнетъ такого супруга, которой заслуживалъ всю ея любовь. Онъ дѣлалъ столько похвалъ его добродѣтелямъ, его безкорыстію и его разуму, что Оливія наконецъ уступила, и позволила Вану надѣяться, что она не презритъ его

 жела-

желаній. Напослѣдокъ, удваивая свои старанія, получилъ онъ торжественное обѣщаніе. Не могши болѣе отказать ему въ семъ удовольствіи, Оливія согласилась, нѣсколько времени спустя, дать ему свою руку, въ тотъ день, когда исполнится ей девятнатцать лѣтъ.

Никакое щастливое произшествіе не вдыхало живѣйшей радости, какую почувствовалъ влюбленный Ванъ, которой чрезъ сіе узрѣлъ возходящую зарю своего щастія. Прежде нежели наступилъ сей великой для него день, послалъ онъ въ *Лондонъ* для закупки галантерейныхъ вещей, экипажей и всего того, что могло ласкать тщеславію молодой женщины. Какъ та маетность, въ которой онъ вознамѣрился жить и которую называли *Ванъ-Гроцъ*, не была убрана въ новѣйшемъ вкусѣ: то онъ приказалъ перемѣнить всѣ украшенія, и замокъ, звѣринецъ и сады сдѣлалъ увеселительнѣйшимъ пребываніемъ.

Между тѣмъ, какъ Ванъ занимался украшеніемъ почтеннаго жилища своихъ предковъ, Голдвинъ тщательно

но примѣчалъ за поведеніемъ своей питомицы. Онъ имѣлъ причину опасаться, не кроется ли еще въ сердцѣ ея чувствованіе любви къ Даванпорту, которое не возмутило бы въ послѣдствіи ея союза. Но видя, что она произносила имя его съ хладнокровіемъ и говорила о своемъ бракѣ безъ смущенія, заключилъ изъ того, что она совершенно излѣчилась отъ своей нещастной страсти. Съ сего времени объявилъ онъ о приближающемся бракѣ всѣмъ своимъ знакомцамъ, и позволилъ, чтобъ она принимала поздравительные визиты. Онъ писалъ отъ себя къ Миссъ Пелгамъ, и просилъ ее пріѣзжать на свадьбу ея пріятельницы, чтобъ по томъ проводить ее съ нимъ, его женою и съ Миссъ Кресвель въ замокъ, въ которомъ Оливія будетъ жить непосредственно послѣ своего брака. Оливія, не занимавшаяся суетными попеченіями объ уборахъ, просила съ своей стороны Миссъ Пелгамъ, чтобъ она выбрала ей матеріи для нарядпаго свадебнаго платья и всякихъ другихъ уборовъ, которыхъ требуетъ общее обыкно-

кновенiе. Миссъ Пелгамъ, которая не имѣла столь основательнаго разума, какъ ея прiятельница, съ радостiю исполнила сiю коммисiю; а старанiе, которое она приложила, чтобъ послать къ Оливiи то, о чемъ она ее просила, доказало, сколько она любила то, чтобъ заставить ее удивляться ея вкусу. Послѣ длиннаго реэстра имянъ всѣхъ новомодныхъ уборовъ выговаривала она ей, что она столь долгое время не открывала о той особѣ, которую она любитъ, и поздравляла ее съ тѣмъ, что она на канунѣ своей свадьбы захотѣла почтить ее своею довѣренностiю.

По мѣрѣ, какъ приближалась та минута, въ которую прекрасная Оливiя должна была дать клятву великодушному Вану, угрызѣнiя совѣсти, что она его въ точность не знала, производили въ сердцѣ ея живѣйшее раскаянiе. Она не могла любить его съ такимъ жаромъ, съ какимъ любила Даванпорта; но основательнѣйшее чувствованiе дополняло ту нѣжность, которой онъ не въ состоянiи былъ въ ней произвести, и которой онъ со-

дѣлался столь достойнымъ. Между упреками, каковые она себѣ дѣлала, сей упрекъ, что она навлечетъ на себя его подозрѣніе въ разсужденіи несоотвѣтственности прежняго ея поведенія, принудилъ ее изъявить Вану свое безпокойствіе о томъ, чтобъ онъ въ послѣдствіи не упрекалъ ее въ ея заблужденіяхъ, дабы ей не разкаяваться въ ея къ нему привязанности. „Я не отдала вамъ справедливости, говорила она ему, и сію причиненную вамъ обиду я живѣйшимъ образомъ чувствую; но я страшилась вашихъ проницательныхъ взоровъ; для того что я по нещастію имѣла сильную причину опасаться ихъ.„ Ванъ не допустилъ ее докончать словъ ея, которыя она клонила только къ своему оправданію; онъ бросился къ ногамъ ея, и въ живѣйшихъ увѣреніяхъ клялся ей никогда не напоминать ей о томъ, что онъ самъ уже позабылъ.

Симъ искреннимъ признаніемъ Оливія разогнала всѣ страхи ея любовника, и удалила отъ него всѣ подозрѣнія. Бракъ, казалось, пріуготовлялъ имъ только розовыя цѣпи. Но можно

ли судить о будущемъ по ласкательнымъ наружностямъ? Весьма часто самая лестнѣйшая надежда въ одну минуту покрывается мрачною тучею, и жестокая печаль распространяется по сердцу, которое предавалось вчера прiятной надеждѣ грядущаго щастiя.

ГЛАВА 14.

Наконецъ наступилъ торжественный тотъ день, въ которой прекрасная Миссъ Элфордъ должна была исполнить желанiя своего любовника. Нетерпѣнiе Ваново возбудило его до зари, и уже Миссъ Пелгамъ, которая на канунѣ прiѣхала къ Г. Кресвелю, старалась придать прелестной невѣстѣ посредствомъ прекраснаго убора большую красоту. Гжа. Голдвинъ и ея старшая дочь приготовляли корзинки съ цвѣтами, которыя хотѣли поднесть ей по возвращенiи ея изъ церкви. Когда Ванъ, Голдвинъ и Г. Кресвель, которой въ семъ случаѣ служилъ ему вмѣсто отца, прислали сказать, что они ожидаютъ невѣсты для провожденiя ея къ алтарю: то Оливiя поблѣднѣла, и бро-

бросясь въ объятія Гжи. Голдвинъ, вскричала: „Теперь-то я чувствую, сколь мучительно разлучиться съ вами.„ Миссъ Пелгамъ, которая хотѣла отвратить свою пріятельницу отъ весьма трогательнаго явленія, говорила ей: „Вы весьма жалки; молодой и статной человѣкъ дѣлаетъ васъ госпожею пяти тысячь фунтовъ стерлинговъ годоваго доходу; подлинно, что сіе нещастіе должно васъ опечалить.„

Какъ сей замыселъ и веселой нравъ Миссъ Пелгамъ произвели желаемое ею дѣйствіе, то Гжа. Голдвинъ взяла ее за руку, и вывела ее въ залу, въ которой все собраніе ее уже ожидало. Ванъ подбѣжалъ къ Миссъ Элфордъ, и былъ изумленъ, увидѣвши ее толь прекрасною. Хотя она не имѣла нужды въ украшеніяхъ для возвышенія своихъ прелестей, но уборъ придалъ ей привлекательный видъ, которой плѣнилъ всѣхъ. По дорогѣ, коею надлежало итти брачной церемоніи, разставлены были поселяне, которые изъявляли своими восклицаніями радость, чувствуемую ими по причинѣ Оливіина

на благополучія, которая своею ласковостію и благодѣяніями получила отъ нихъ лестное титло *матери бѣдныхъ.* Голдвинъ отправилъ въ семъ случаѣ обрядъ сей съ важностію, смѣшанною съ печалію; помышленіе о томъ, что онъ уступилъ супругу право отнять у себя любимое дитя, произвело въ сердцѣ его болѣзненное чувствованіе. По окончаніи церемоніи Оливія, слѣдуя обыкновенію, принимала отъ друзей своихъ поздравленія, и до сего времени не оказывала она ни малѣйшаго прискорбія; но когда она обняла достойнаго своего опекуна, великодушнаго Голдвина, то дала свободное теченіе слезамъ своимъ, и не опасаясь присутствія своего супруга, изъявляла ему печаль свою, что она съ нимъ разлучается. Но сіе облако скоро было разсыпано помощію Оливиныхъ друзей. Возвращеніе изъ церкви торжествовано было съ тѣми же изъявленіями радости, и по всей дорогѣ, по которой шла новобрачная, бросали цвѣты. Послѣ завтрака положили ѣхать въ Вановъ замокъ, и сей отъѣздъ былъ причиною радостнаго и

пе-

печальнаго явленія. Дѣти Голдвиновы, питомцы и служители проливали слезы, когда доложили Гжѣ. Ванъ, что ожидали ея повелѣній, чтобъ ѣхать въ Ванъ-Гровъ. Она сама не могла рѣшиться оставить тѣ прелестныя мѣста, въ которыхъ она провела свое младенчество, и почувствовала живѣйшую печаль. Наконецъ, когда изчерпались всѣ мнимыя причины, чтобъ продолжить тамъ свое пребываніе, простилась она и сѣла съ супругомъ своимъ въ карету.

Ванъ принялъ Оливію въ замкѣ, которой впредь долженъ былъ служить ей жилищемъ, съ пышностію, предвозвѣщавшею о богатствѣ, которымъ она будетъ обладать. Всѣ его подчиненные ожидали ее въ передней, и вездѣ слышны были похвалы, приписываемыя его выбору. Ничего не было пощажено, чтобъ сдѣлать свадьбу свою столькожъ веселою, какъ и великолѣпною, и все собраніе довольно было разторопностію молодаго Оливіина супруга.

Послѣ обѣда Ванъ повелъ свою супругу и гостей по покоямъ въ замкѣ.

Оливія

Оливія не могла сопротивляться чувствованію радости, помышляя, что она будетъ госпожею толикаго богатства и что она одолжена обладаніемъ онымъ тому, котораго почтеніе столь долгое время она презирала. Она взирала на супруга своего съ нѣжностію, и въ сію минуту показался онъ ей превышающимъ свой полъ, котораго всѣ поступки вообще основываются на честолюбивыхъ или интересныхъ видахъ. Сіе происходило при входѣ въ маленькой покой, назначенный единственно для ней, которой доказывалъ по простотѣ и изяществу мебелей стараніе любовника и вниманіе супруга. Съ сей минуты сіи два названія соединены были вмѣстѣ, и любовь содѣлала ихъ тогда равно любезными ея сердцу. Отборная библіотека, цвѣты, рѣдкія и благовонныя травы, клѣтки съ разнаго рода птицами, фортопіано отмѣнной работы и всѣ другія мебели, которыя могли прельщать зрѣніе, украшали сей маленькой покоецъ.

Прельщенная толь обязательными стараніями, Оливія уступила радостнымъ чувствованіямъ, которыя произ-

изходили въ душѣ ея. „Скажите мнѣ, говорила она Голдвину, чѣмъ я заслужила толь рѣдкую благосклонность, или лучше скажите мнѣ, какимъ образомъ должна я сохранить сердце такого супруга, которой подаетъ мнѣ опытъ столь искреннихъ своихъ чувствованій. — Желаніе заслужить ихъ служитъ мнѣ порукою, что ты сохранишь ихъ.„ Ванъ цѣловалъ съ возхищеніемъ руку своей супруги и говорилъ ей, что онъ никогда не имѣлъ радостнѣйшей минуты, какъ сія, въ которую она подала ему столь видимый знакъ удовольствія. Миссъ Пелгамъ говорила имъ смѣючись, чтобъ они окончали столь трогательной разговоръ, для того что она чувствовала себя не очень разположенною праздновать сей день умилительными слезами.

ГЛАВА 15.

Казалось, что въ теченіи нѣсколькихъ дней радость и удовольстіе утвердили свое пребываніе въ прекрасномъ Ванъ-Гровскомъ уединеніи. Отъѣздъ Г. и Гжи. Голдвинъ возмутилъ нѣсколько спокойствіе, которымъ

рымЪ наслаждалась ихЪ Оливія; но надежда опять скоро съ нею увидѣться утѣшила ихЪ вЪ разлукѣ, которой они не могли избѣжать, и товарищество Элизы ПелгамЪ и Фанни Кресвель нечувствительно разогнало то облако, которое помрачало свѣтлые дни ихЪ пріятельницы.

Между тѣмЪ, какЪ Оливія принимаетЪ и дѣлаетЪ визиты вдовамЪ, старымЪ и молодымЪ госпожамЪ, живущимЪ вЪ окружности Вановой деревни; между тѣмЪ, какЪ тѣ и другія ласкаютЪ ее, критикуютЪ и завидуютЪ ея щастію; между тѣмЪ наконецЪ, какЪ МиссЪ ПелгамЪ забавляется вечеромЪ подражаніемЪ старинымЪ ихЪ обыкновеніямЪ и смѣшнымЪ ихЪ учтивостямЪ, займемся мы ГолдвиномЪ, ДаванпортомЪ и другими не менѣе важными матеріями.

Пусть читатели припомнятЪ, что Оливія, героически рѣшась забыть вѣроломнаго своего любовника, вручила своему опекуну ДаванпортовЪ портретЪ. ОнЪ отослалЪ его кЪ Даванпорту на канунѣ того дня, вЪ которой Оливія должна была соединиться сЪ ВаномЪ.

въ письмѣ, посланномъ съ портретомъ, увѣдомлялъ онъ его о семъ щасливомъ произшествіи, и приписывалъ похвалы честности и нѣжности стараго его товарища въ классѣ.

Способность, съ каковою Даванпортъ удовлетворилъ всѣмъ своимъ желаніямъ, уменьшила предъ глазами его благопріятствованія щастія. Уже сердце его испускало вздохи о безмятежнѣйшихъ удовольствіяхъ, и Оливіинъ образъ, напоминая ему о сихъ удовольствіяхъ, снова возжигалъ тотъ огнь, которой онъ почиталъ погасшимъ. Скука, видѣть жену свою безпрестанно занимающуюся суетными забавами, умножила еще его задумчивость. Въ сихъ-то расположеніяхъ, въ которыхъ душа съ большею способностію принимаетъ сильное впечатлѣніе, Даванпортъ получилъ письмо отъ Г. Голдвина; онъ не могъ читать его безъ живѣйшаго движенія; не могъ смотрѣть на тотъ портретъ, которой служилъ залогомъ вѣчной любви, не почувствовавъ стыда и разкаянія. Прошедшее изобразилось въ его памяти толь живѣйшими красками; всѣ

щастливыя минуты, проведенныя съ Оливiею, сдѣлали надъ нимъ толь сильное впечатлѣнiе, что онъ находился нѣсколько минутъ въ жалостномъ состоянiи. Любовь возприяла всю свою власть, и нещастный Даванпортъ болѣе нежели когда либо подверженъ сталъ ея законамъ.

Удрученный печалiю, отягченный бременемъ должности, Даванпортъ не зналъ, какимъ бы образомъ могъ онъ явиться Оливiи, съ которою рѣшился онъ переговорить о тѣхъ нещастiяхъ, которыя принудили его нарушить данную ей клятву. Онъ полагалъ въ семъ свиданiи конецъ своего злощастiя, и не могъ болѣе сносить той мысли, что онъ заслужилъ ея ненависть. Но какъ дойти до ней? Какъ укрыться отъ назирающихъ взоровъ ревниваго супруга? Подстрекаемый желанiемъ получить себѣ прощенiе и услышать голосъ достойнѣйшей любви женщины, не помышляя объ опасностяхъ, въ которыя онъ вдавался, взялъ въ предлогъ путешествiе, и сказалъ своей женѣ, что нѣкоторыя важныя дѣла прину-

нуждаютъ его на нѣсколько дней быть отъ ней въ отсутствіи.

Гжа. Даванпортъ, по причинѣ своего разсѣянія не безпокоясь о толь скоропостижномъ отъѣздѣ, не сдѣлала никакого замѣчанія о внутреннемъ безпокойствіи своего мужа. Привыкши видѣть его запершагося въ своемъ кабинетѣ, въ то время, когда она предавалась веселостямъ большаго свѣта, не нашла ничего страннаго, что Г. Даванпортъ отъѣзжаетъ, когда дѣла его того требуютъ.

Нещастный Даванпортъ взялъ почтовую коляску, и отослалъ ее назадъ за нѣсколько миль отъ Лондона, чтобъ взять другую, которая довезла бы его за двѣ мили разстояніемъ отъ Ванова замка. Онъ запасся матросскимъ платьемъ, въ которое онъ одѣлся, отпустивши прежде коляску. Переодѣвшись такимъ образомъ, сталъ въ сельскомъ трактирѣ, смежномъ съ деревнею щастливаго его соперника, рѣшившись ожидать, пока окажется благопріятный случай вступить съ Оливіею въ разговоръ, которой дол-

женствовалъ облегчить бремя его страданій.

Со времени Оливіина брака безпрерывно текли спокойные дни; но она соблюдаема была для сильныхъ искушеній. Однимъ днемъ, когда Ванъ для нѣкоторыхъ дѣлъ долженъ былъ отлучиться, Оливія, по просьбѣ Миссъ Пелгамъ, пѣла нѣкоторыя пѣсни, между коими и ту, которую Даванпортъ сочинилъ для ней и которую онъ подарилъ ей послѣ нѣжнаго разговора. Миссъ Пелгамъ прельстилась ею, и хотѣла имѣть съ нее списокъ. Оливія пошла въ свой кабинетъ, чтобъ переписать ее. Едва она только окончала послѣдній куплетъ, какъ вошелъ ея мужъ; онъ спросилъ ее, чѣмъ она занималась, и о томъ, что она писала. Оливія, не подозрѣвая, чтобъ Даванпортъ былъ столь неблагоразуменъ, чтобъ показалъ ему сію пѣсню, сказала ему: „Это пѣсня, съ которой Миссъ Пелгамъ просила у меня списка.„ Ванъ беретъ пѣсню, читаетъ ее и бросаетъ на жену свою безпокойные взгляды. Подумавши, что нечаянной припадокъ перемѣнилъ такимъ образомъ его черты,

ты, Оливія беретъ его съ нѣжностію за руку, и спрашиваетъ его, не чувствуетъ ли онъ какой болѣзни. Онъ отталкиваетъ ее и упадаетъ на софу: „Я здоровъ, сударыня . . . . для моей болѣзни есть лѣкарство . . . . Но я не ожидалъ найти васъ въ столь хорошемъ упражненіи. — Что я сдѣлала? вскричала она, сѣвши подлѣ его на софѣ. Помилуйте, увѣдомьте меня о моемъ проступкѣ, и я клянусь вамъ, что я отъ онаго исправлюсь. — Не клянитесь, сударыня; можетъ быть вы не имѣли бы силы или склонности сохранить вашей клятвы. Я имѣю тончайшія понятія о должностяхъ супружества . . . . Ежели бы я могъ увѣренъ быть, что вы раздѣляете ваше сердце между Даванпортомъ и вашимъ супругомъ . . . . ежели бы я точно зналъ, что сей ненавистный человѣкъ былъ еще мой соперникъ. . . . свидѣтельствуюсь небомъ, что ничто въ свѣтѣ не удержало бы дѣйствій моего гнѣва; я потерялъ бы отъ того чувства. . . . Но однако должно думать, что вы еще любите его; иначе Ванова супруга стыдилась бы и по-

помыслить о такомъ вѣроломцѣ, которой столь подлымъ образомъ оставилъ ее. . . . Остановитесь, говорила ему Оливія, залившись слезами; не вонзайте тысячи кинжаловъ въ такое сердце, которое не заслуживаетъ вашихъ упрековъ. Честь и добродѣтель служатъ вамъ порукою за мою вѣрность. Небо, свидѣтель моей невинности, знаетъ, имѣла ли я другія намѣренія, кромѣ чтобъ услужить Миссъ Пелгамъ . . . . Не кидайте на меня такихъ взоровъ, которые заставляютъ меня трепетать! возвратите мнѣ ваше сердце, и простите сію первую погрѣшность, которая возпрепятствуетъ мнѣ впредь въ оную ввергнуться.,,

Ванъ, будучи обезоруженъ слезами и нѣжностію такой супруги, которую онъ обожалъ, не могъ долѣе снести униженнаго Оливіина положенія, которая бросилась къ колѣнямъ его, дабы получить себѣ прощеніе. Онъ просилъ ее встать, но она не соглашалась на оное, пока онъ не успокоится и не обѣщаетъ ей, что впредь никакое подозрѣніе не возмутитъ ихъ

спо-

спокойствія. Ванъ признался, что онъ былъ ревнивъ, что онъ никогда не могъ побѣдить сей жестокой страсти, но что онъ постарается превозмочь ее.

Когда Оливія получила свободу предаться размышленію о поведеніи своего супруга, то содрогнулась при воображеніи горестей, въ каковыя ввергать его будетъ горячность его каждой разъ, когда онъ напоминать себѣ будетъ о тѣхъ противорѣчіяхъ, каковыя она употребляла, принимая отъ Даванпорта знаки почтенія безъ вѣдома опекуна ея. Послѣ сего явленія, каковое она выдержала для сего вѣроломнаго любовника, трепетала она при малѣйшемъ знакѣ неудовольствія, которое оказывалъ ей супругъ ея. Будучи всегда въ страхѣ, чтобъ не быть ей тайною пружиною вздорнаго его нрава, не осмѣливалась она ничего ни приказать ни предпріять, не посовѣтовавшись съ нимъ и не получивши его согласія. Таковое принужденіе отравляло ея радости, и рѣдко позволяло ей имѣть минутное спокойствіе. Что ежели бы она была тогда увѣдомлена, что тотъ, кото-

 рой

рой причинялъ всѣ ея печали, въ близости спокойнаго ея жилища находился! какое бы было ея мученіе! Увы! она даже и не подозрѣвала, чтобъ Даванпортъ приготовлялъ ей величайшее нещастіе.

Всячески старая сь, чтобъ не опустить случая, по которомъ онъ уже столь долгое время воздыхалъ, Даванпортъ проводилъ дни и ночи, перебѣгая окружности Ванова замка. Часто ложился онъ на траву, которую мяла прекрасная Оливія, и во время, когда она покоилась въ объятіяхъ своего супруга, возмущалъ онъ своими вздохами тишину ночную. Въ тотъ день, когда Ванъ повелъ въ первой разъ супругу свою въ приходскую церковь, дерзнулъ онъ вмѣшаться въ толпу поселянъ, которые собрались, чтобъ видѣть прелестную супругу ихъ господина. Не могши болѣе противиться желанію говорить съ нею, столь хорошо примѣчалъ онъ всѣ движенія Вановы, что увидѣлъ его наконецъ выходящаго поутру изъ своего дому на охоту съ нѣкоторыми изъ своихъ друзей. Вскорѣ по томъ увидѣлъ онъ

и

и любви достойную Оливію и Мисс Пелгам, которыя пошли на поле, а по том в зверинец, гдѣ в отдаленном мѣстѣ сѣли онѣ обѣ под тѣнію стараго дуба. Не слушаясь болѣе никого, кромѣ сильной своей страсти, побѣжал он к ним с стремительностію. Увидѣвши незнакомаго, одѣтаго в матроское платье, кричали о помощи и вставали, чтоб бѣжать; но он удержал Оливію за платье и бросился к ногам ея: „Я умру здѣсь, говорил он ей, естьли вы не захотите меня выслушать.„

Оливія, весьма смягчившись, узрѣвши во всѣх чертах лица его знаки отчаянія, подала дрожащую свою руку Даванпорту, который прижал ее к своему сердцу. „Уже давно, говорила она ему, я вам простила; я оплакала ваше непостоянство, но никогда вас не ненавидѣла. Небо в том свидѣтель, что и в сію самую минуту сожалѣю я о удручающих вас нещастіях.„ Она встала, чтоб от него удалиться, но Даванпорт удержал ее; он так сжал ея руку, что Оливія испустила вопль, чтоб

принудить его отпустить ее. „Какая наглость! говорила она ему. Ежели вы будете упорствовать, чтобъ удержать меня здѣсь, или ежели когда нибудь осмѣлитесь еще сюда притти: то я возненавижу васъ какъ смертельнаго своего непріятеля. Покоритесь тому жребію, которой вамъ предопредѣленъ; подумайте, что я жена Ванова. — „Будь проклято имя щастливѣйшаго человѣка! вскричалъ онъ, вставши съ земли; будь проклята та минута, въ которую по недостойной слабости пожертвовалъ я моимъ щастіемъ! Роковая жертва! Увы, дражайшая моя Оливія! вы хотите оставить меня навсегда! Увы! я зрѣлъ то время, въ которое вы слушали меня безъ разкаянія. — И это-то самое причиняетъ нынѣ печаль, которая васъ удручаетъ; пользуйтесь симъ, чтобъ быть разумнѣе. Простите, будьте щасливы.„

Оливія не могла произнести слова простите безъ внутренняго движенія; она пролила слезы; Даванпортъ примѣтилъ оное, и взявши опять ея руку: Ваша печаль, говорилъ ей, стокра-

кратно для меня страшнѣе, нежели ваши упреки." Но примѣтя нетерпѣливость ея оставить его: „Простите, продолжалъ онъ, я отъ васъ удаляюсь . . . злощастный Даванпортъ не заставитъ васъ болѣе проливать слезы. Какъ мучительно разставаться съ единымъ предметомъ, которой могъ составить мое щастіе!" Подлой прелестникъ! вскричалъ одинъ голосъ, и тотчасъ показался ревнивый Ванъ, которой скрывался позади кустарника. „Не ласкайся, говорилъ онъ яростнымъ голосомъ, что ты избѣжишь моего мщенія. Останься здѣсь, я приду къ тебѣ сюда черезъ четверть часа . . . Я буду васъ ожидать, возразилъ Даванпортъ съ твердостію."

Страхъ и изумленіе принудили Оливію и Миссъ Пелгамъ бѣжать, или лучше сказать летѣть въ замокъ, откуда послали онѣ служителей на помощь ихъ господину. Сіи, увидя его возвращающагося домой скорыми шагами, подумали, что паденіе съ лошади столь чувствительно встревожило Гжу. Ванъ, и не помышляли болѣе объ ея страхѣ. Каждую минуту по-

посылала она справляться, пришолъ ли ея мужъ; и какъ скоро она узнала, что онъ возвратился, то радость ея доказала, сколь вѣсть сія ее тронула. Но тотчасъ страхъ заступилъ мѣсто радости. Оливія содрогалась о поведеніи, каковое будетъ имѣть супругъ, которой почиталъ себя имѣющимъ право наказать ее за мнимое огорченіе.

По мѣрѣ, какъ волненія души ея уступало мѣсто размышленію, безпокойства ея умножались. Какъ увѣрить подозрѣвающаго супруга, что свиданіе сіе учинилось по случаю? Какъ обезпечить его въ тѣхъ слезахъ, которыя видѣлъ онъ проливающимися для соперника, котораго она любила? Сіи печальныя размышленія повергли ее въ ужасное отчаяніе, такъ что всѣ усилія Миссъ Пелгамъ и Фанни Кресвелъ не могли ее успокоить. Наконецъ, уступивши неотступнымъ прозьбамъ ея пріятельницъ, Оливія отважилась послать къ своему мужу, чтобъ истребовать у него позволеніе говорить съ нимъ. Но ей сказали, что Г. Ванъ былъ въ своей библіотекѣ

кѣ и что онъ именно запретилъ, чтобъ никто не мѣшалъ ему до самаго часа обѣда. Надлежало повиноваться, и нещастная Оливія съ нетерпѣніемъ ожидала, какъ мужъ ея пришлетъ сказать ей, чтобъ она шла въ столовую.

ГЛАВА 16.

Ванъ разослалъ людей своихъ только для того, чтобъ имѣть свободу выйти въ потайную калитку на назначенное Даванпорту мѣсто. Онъ нашелъ тамъ сего страшнаго соперника, которой ожидалъ его безъ робости. „Вотъ столько желанная минута, вскричалъ Ванъ, взявши шпагу въ руку, въ которую я накажу тебя за все то, что ты заставилъ меня терпѣть уже столько лѣтъ. — Я умѣю защищаться; но прежде нежели я научу тебя почитать меня, знай, что твоя жена невинна; она не знала, что я имѣлъ намѣреніе говорить съ нею; я пришолъ на вѣки проститься съ нею, дабы по томъ умереть, и теперь доволенъ, что получилъ отъ ней проще-

щеніе за мое оскорбленіе. Справедливость требуетъ отъ меня сдѣлать тебѣ сіе признаніе, а честь рѣшитъ, кто изъ насъ двоихъ будетъ щастливъ.,, Произнесши сіи слова, началъ онъ сраженіе, и получилъ два шпажные удара. Упавши на землю, говорилъ онъ Вану: ,, Удались, пришли ко мнѣ на помощь, чтобъ я не умеръ здѣсь. Прости, я прощаю тебѣ мою смерть. ,,

При всемъ ревнивомъ Вановомъ бѣшенствѣ человѣколюбіе овладѣло его сердцемъ, увидя текущую кровь того, котораго называлъ онъ нѣкогда своимъ другомъ. Онъ подалъ ему помощь, которой Даванпортъ отъ него требовалъ, и возвратился по томъ въ свой домъ, занятъ будучи тысячію различныхъ проэктовъ. Оливія и ея пріятельницы съ нетерпѣливостію ожидали часа обѣда, какъ случая для Гжи. Ванъ изъясниться съ своимъ мужемъ. Въ тотъ часъ, когда должно было садиться за столъ, Ванъ велѣлъ сказать, что онъ сей день не будетъ обѣдать. Кушанье поставили, и къ вели-

великому изумленію служителей никто не являлся въ столовую.

Беэпокойство Оливіино столь жестокимъ учинилось, что Миссъ Пелгамъ рѣшилась разломать двери Ванова покоя, чтобъ можно было поговорить съ нимъ. Въ сіе время, когда она пошла для исполненія своего намѣренія, служитель принесъ къ Оливіи письмо отъ ея супруга; она съ трепетомъ развернула его, и читала слѣдующее: „Прежде нежели отдано будетъ вамъ сіе письмо, я уже далеко буду отъ васъ. Неблагодарная женщина! припомните ваши клятвы, и страшитесь небеснаго гнѣва. Едва протекъ мѣсяцъ, а вы уже нарушили сіи клятвы. Не видалъ ли я вашей руки въ рукѣ моего соперника? не былъ ли я свидѣтелемъ вашихъ слезъ, сихъ слезъ, проливаемыхъ о мнимыхъ нещастіяхъ измѣнника? . . . Я вашъ супругъ; но сей измѣнникъ владѣетъ вашимъ сердцемъ . . . . Узнайте, неблагодарная, что дражайшій вашъ въ сію минуту умеръ. Рука моя, надежный ударъ, наказала его, какъ я того желалъ. Оплакивайте теперь его не-

нещастіе; но особливо помните, что вашему ненавистному поведенію долженЪ я приписывать бѣгство свое и имя убійцы. ВотЪ послѣднія мои распоряженія для жены, содѣлавшейся недостойною моего имени. Вы будете получать по сту фунтовЪ стерлинговЪ вЪ полгода; одинЪ слуга и двѣ женщины составятЪ вашЪ домЪ; нѣтЪ для васЪ ни кареты ни прогулки, которая удаляетЪ васЪ ночью изЪ замка; нѣтЪ другаго общества, кромѣ какЪ сЪ Г. и Гжею. ГолдвинЪ, которыхЪ вы будете принимать только одинЪ разЪ вЪ годЪ; нѣтЪ никакого предлога итти вЪ церковь; вы можете употребить то во зло, чтобЪ согласиться о мѣстѣ вашего свиданія. На сихЪ только условіяхЪ позволяю я вамЪ носить мое имя и жить вЪ моемЪ домѣ, гдѣ я буду имѣть такихЪ людей, которые будутЪ назирать за вашимЪ поведеніемЪ. Повелѣваю вамЪ вЪ теченіи трехЪ дней отослать сихЪ пріятельницЪ, которыя столь хорошо вамЪ служили, кЪ ихЪ родителямЪ. Простите, не старайтесь извинять себя; я весьма извѣстенЪ о томЪ, что

тщетно вы старались скрывать отЪ меня. Хотя любовникЪ вашЪ умретЪ, или излѣчится отЪ своихЪ ранЪ, я рѣшился оставить Англію. Простите.„

ГенрикЪ ВанЪ.

Пораженная какЪ громовымЪ ударомЪ, Оливія пребыла долгое время недвижимою, и бросала на МиссЪ ПелгамЪ болѣзненные взоры. НаконецЪ подала она ей письмо и просила ее прочесть его. По прочтеніи МиссЪ ПелгамЪ вскричала: „Какое варварство! и вы согласны повиноваться симЪ условіямЪ? — ТакЪ. Не безЪизвѣстно вамЪ, сколько наружность для меня не благопріятна и сколько она оправдываетЪ поведеніе моего супруга. Но теперь не время увѣдомлять васЪ о прошедшихЪ моихЪ оскорбленіяхЪ; а будьте довольны увѣреніемЪ, что Г. ВанЪ не заслуживаетЪ вашихЪ упрековЪ. — Что! вы будете столь слабы и согласитесь, чтобЪ ревнивецЪ вашЪ исключилЪ васЪ изЪ общества, дабы удовлетворить своенравію своему? — БезЪ сомнѣнія; я изЪ благоразумія буду стараться возстановить спокойствіе

въ сердцѣ моего супруга и заслужить когда нибудь его почтенie. Ахъ! ежели бы я могла столь же удобно сохранить отъ смерти Даванпорта!.... Нещастной молодой человѣкъ!„ Слезы ея и вздохи воспрепятствовали ей продолжать; служители прибѣжали на ея вопль; они послѣдовали за нею въ комнату ея, желая ей щастiя.

Ванъ, прежде нежели оставилъ свой замокъ, приказалъ притти къ себѣ старому управителю своего отца, и на него-то возложилъ попеченie о женѣ своей и отпускъ служителей, выключая троихъ, которыхъ позволилъ Оливiи выбрать по своему произволенiю. Сей управитель, по имени Рандаль, былъ скупъ и властолюбивъ. Никакiя повелѣнiя не были принимаемы съ большею ревностiю; уже онъ счелъ прибытокъ, которой онъ получитъ, повинуясь своему господину, и то богатство, которое онъ соберетъ новыми хищенiями. Съ самаго утра того дня, въ которой Ванъ препоручилъ ему власть свою, оказалъ онъ ее съ суровостiю, которая открыла подлость его души. Онъ хотѣлъ было въ тотъ

же

же день отослать пріятельницѣ Гжи. Ванѣ, дабы присвоить себѣ деньги, опредѣленныя на домашній разходъ до ихъ отъѣзду; однакожъ не осмѣлившись поступить въ противность повелѣній своего господина, съ нетерпѣливостію ожидалъ того времени, когда онѣ оставятъ нещастную Оливію, которой здоровье весьма повреждено было толь жестокими ударами.

Скоро узнали объ отъѣздѣ Вановомъ и поединкѣ, которой былъ причиною его бѣгства. Какъ раны Даванпортовы показались сначала смертельными, а по томъ усмотрѣно, что скоро можно ихъ излѣчить: то Лѣкари разсудили за благо перевезти его въ Лондонъ. Отказъ, которой онъ учинилъ, чтобъ слѣдовать сему мнѣнію, умножилъ еще догадки о причинѣ сего поединка. Каждой говорилъ о томъ, слѣдуя тому мнѣнію, которое принимали о Вановомъ поведеніи; охуждали Оливію, а особливо женщины, завидующія ея красотѣ, легко находили причины для обезславленія ея. Въ сію то критическую минуту скупой Рандаль объявилъ Миссъ

Пелгамъ и Фанни Кресвель, чтобъ онѣ тотчасъ выѣхали, и безъ жалости разлучилъ ихъ съ неутѣшною Гжею. Ванъ. Она разсказала имъ о всѣхъ подробностяхъ своего союза съ Даванпортомъ. А какъ она изъявила имъ по томъ, сколько она того опасалась, чтобъ Г. и Гжа. Голдвинъ не подозрѣвали ее быть виновною: то двѣ пріятельницы ея обѣщали ей съѣздить къ нимъ, чтобъ увѣдомить ихъ о всѣхъ обстоятельствахъ того нещастнаго произшествія, которое лишило ее супруга и подвергло ее клеветѣ ея сосѣдей.

Малѣйшее утѣшеніе въ нашихъ нещастіяхъ кажется намъ возвратомъ щастія; да и достовѣрность, что поведеніе ея извиняемо было обѣими вѣрными ея пріятельницами, уменьшила ту печаль, которую чувствовала Оливія, видя ихъ отъѣзжающихъ.

ГЛАВА 17.

Даванпортъ лежалъ еще въ томъ трактирѣ, куда онъ перенесенъ былъ послѣ поединка въ Вановомъ звѣринцѣ.

цѣ. Какъ слабое его состоянiе не позволяло ему долѣе въ ономъ остаться, то онъ согласился наконецъ возвратиться въ Лондонъ. Лѣкарь, по имени Бекваръ, сотовариществовалъ ему въ его путешествiи, которое совершилось въ малое число дней и съ величайшею предосторожностiю. Скорой Вановъ отъѣздъ, страхъ, чтобъ фамилiя его не узнала обстоятельствъ его поединка, принудилъ его оставить тѣ мѣста, въ которыхъ жилъ предметъ дражайшихъ его желанiй. По мѣрѣ, какъ онъ приближался къ столицѣ, смятенiе его удвоивалось; и хотя онъ не любилъ своей жены, однако не хотѣлъ причинить ей печали, давши знать ей, что она имѣла соперницу. Предъ прiѣздомъ въ домъ свой требовалъ онъ отъ Беквара ненарушимой тайны и обѣщанiя писать къ нему о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, касающихся до Г. и Гжи. Ванъ.

Подъ наружнымъ видомъ простоты Бекваръ обладалъ всѣми качествами сердца и разума. Будучи сострадателенъ къ нещастiямъ другаго, не могъ онъ безъ сожалѣнiя взирать на

глубокую Даванпортову задумчивость и на мужество, съ каковымъ сносилъ онъ боль, которую причиняли ему его раны. Съ сей минуты возъимѣлъ онъ къ нему ненарушимую привязанность, и посвятилъ ему всѣ вспомоществованія своего искусства.

Служители, увидѣвши господина своего съ трудомъ выходящаго изъ коляски, и узнавши по томъ, что онъ былъ раненъ, подумали, что разбойники повергли его въ сіе сожалѣнія достойное состояніе. Они положили его, и передняя тотчасъ наполнилась разсказами, имѣющими нѣкоторое сходство съ нещастіемъ, приключившимся ихъ господину.

Между тѣмъ, какъ пускали больному кровь, Гжа. Даванпортъ была въ собраніи, окружена будучи толпою ласкателей. Наконецъ наскучивши почтительными ихъ словами и суетнымъ удовольствіемъ хвастаться своимъ убором, возвратилась она домой и весьма встревожилась, услышавши о нещастіи, приключившемся ея мужу. Любовь ея къ нему возбудилась; она по-

ло-

летѣла къ нему въ спальню, бросилась къ нему на постелю, и называла его нѣжнѣйшими и страстнѣйшими именами. Даванпортъ, пробужденный отъ страха и тронутый печалію своей жены, находился въ лихорадкѣ, которая привела его ко вратамъ смерти. Молодость и Бекваровы старанія, по прошествіи нѣскольких дней, возставили его, но сердце его предалось въ добычу жесточайшему разкаянію. Тщетно всѣ сродники больнаго старались узнать причину его нещастія; онъ скрывалъ имя своего сопротивника, а приписывалъ оное спору съ незнакомымъ.

Какъ Даванпортъ совершенно выздоровѣлъ, то Бекваръ простился съ своимъ другомъ, которой осыпалъ его похвалами, благодарностію и богатыми подарками. Гжа. Даванпортъ, которая не хотѣла подвергнуться въ другой разъ тому, чтобъ надъ ранами своего супруга проливать слезы, принудила его продать Корнетское свое мѣсто; для того что война опаснѣе еще была, нежели споры. Она опять вдалась въ пріятныя ей забавы, между тѣмъ какъ

нещастный Даванпортъ занимался печальными своими мыслями.

Старшій его братъ продолжалъ жить въ чрезмѣрной вольности, а Миссъ Даванпортъ, сестра его, которая противъ воли своихъ родителей вышла за одного Ирландскаго Лорда, умножала печаль въ его фамиліи. Мужъ ея женился на ней только для того, чтобъ разплатиться съ долгами, въ которые вовлекла его вѣтреная его молодость. Мало будучи разборчивъ въ первыхъ своихъ основаніяхъ, пренебрегалъ онъ жертву своихъ непорядковъ; а Миссъ Даванпортъ, по чрезмѣрной своей гордости не старавшаяся поправить своего мужа кротостію, увеличивала негодованіе его своими упреками. Лордъ и Лади Даванпортъ, будучи нещастливы въ любимыхъ ими дѣтяхъ, возъимѣли тогда прибѣжище, чтобъ получить себѣ утѣшеніе, къ печальному и задумчивому Эдуарду, котораго они всегда отвращались. Они примѣтили, что тайная причина повергла его въ то ужасное состояніе, въ которомъ они уви-

увидѢли его; но они не думали, чтобЪ сею причиною были они.

Задумчивость сего нещастнаго сына содѢлалась еще большею, когда онЪ узналЪ чрезЪ Г. Беквара о худомЪ получаемомЪ Оливіею содержаніи, и той печали, вЪ которую повергло ее его неблагоразуміе. ОнЪ дѢлалЪ всякія мысленныя разысканія, чтобЪ узнать мѢсто Ванова убѢжища, вЪ намѢреніи ничего не щадить, дабы только привесть его вЪ разсудокЪ. Но всѢ его усилія сдѢлались безполезными; онЪ снова принужденЪ былЪ воздыхать о тѢхЪ несообразностяхЪ, которыхЪ печальныя слѢдствія онЪ тогда увидѢлЪ. Но обратимся кЪ злощастной ГжѢ. ВанЪ, и посмотримЪ, какЪ она сносила свое нещастіе.

ГЛАВА 18.

Сисканной Оливіею навыкЪ жить вЪ уединеніи скоро содѢлалЪ неволю ея сносною. Она усмотрѣла тогда, сколько - то хорошо заблаговременно предостерегаться отЪ нещастій, случаю-

чающихся въ жизни, и сколько-то нужно женщинамъ находить пособія въ чтеніи и другихъ упражненіяхъ ихъ пола. Прогулка, музыка, птичникъ, хожденіе за цвѣтами и многія другія маленькія забавы попеременно занимали праздное ея время. Полученная ею вѣдомость, что Даванпортъ излѣчился отъ своихъ ранъ, еще ее утѣшила въ ея нещастіяхъ и возродила въ ней надежду, что мужъ ея возвратится въ Англію и познаетъ наконецъ несправедливость своихъ подозрѣній. Письмо, которое она получила отъ Г. Голдвина и другое отъ Миссъ Пелгамъ, побудило ее имѣть съ ними переписку, которая пріятнѣйшимъ образомъ ее занимала. Голдвинъ говорилъ о ея приключеніи нѣжнѣйшими словами, и изливалъ въ душу ея утѣшеніе и надежду. Миссъ Пелгамъ увѣдомляла ее о маленькихъ дневныхъ произшествіяхъ, и разсказывала ей о сдѣланномъ ею пріемѣ одному Баронету, по имени Сиру Роберту Клиффорду, которой искалъ уже долгое время соединиться съ нею; но чтобъ отмстить за свой полъ, которой толь жестокимъ образомъ

вомъ оскорбили въ лицѣ ея пріятельницы, рѣшилась она, чтобъ влюбленный Баронетъ повоздыхалъ еще нѣсколько мѣсяцовъ. „Я сказала Сиру Роберту, продолжала она, что онъ до тѣхъ поръ не долженъ думать обо мнѣ, пока законы не будутъ перемѣнены въ пользу моего пола. Онъ смѣялся моимъ страхамъ, для того что я имѣла слабость заставить его думать во время открытія имъ своей страсти, что онъ для меня пріятнѣе всѣхъ. Вашъ мучитель уже научилъ меня, чтобъ не связывать моего щастія такими узами, которыхъ мы рано или поздно содѣлываемся жертвою. Оставьте вашу темницу и пріѣзжайте жить съ тѣми, кои васъ любятъ и почитаютъ.„

Забавныя письма Элизы Пелгамъ и мудрые и благоразумные совѣты Г. Голдвина различнымъ образомъ утѣшали кроткую Оливію, которая никогда не жаловалась на свой жребій. Надежда, скоро увидѣть Г. и Гжу. Голдвинъ, вспомоществовала еще къ содѣланію уединенія ея сноснѣйшимъ. Сей доброй опекунъ, сей нѣжной отецъ,

ко-

коего попеченія столь хорошо замѣняли тѣ старанія, каковыхъ она должна была ожидать отъ своихъ родителей, желалъ того съ живѣйшею нетерпѣливостію. Каждое письмо, которое она отъ него получала, возвѣщало ей о скоромъ его пріѣздѣ; сей щастливой день наконецъ насталъ, десять мѣсяцовъ спустя послѣ того, какъ Ванъ оставилъ прекрасную свою супругу.

Гжа. Голдвинъ сотовариществовала своему мужу. Какъ скоро Оливія услышала, что коляска ихъ въѣхала на дворъ, то полетѣла на встрѣчу имъ, и въ восторгахъ своей радости забыла свои нещастія. Когда спокойствіе заступило мѣсто волнующихся чувствованій, которыя возстали въ душѣ ея: то Оливія снова вдалась въ печаль, которая обладала ею съ самаго отсутствія ея мужа, и Голдвинъ тотчасъ примѣтилъ въ лицѣ ея блѣдность, и сколько притомъ она перемѣнилась. Гжа. Голдвинъ опасалась въ разсужденіи названой своей дочери слѣдствій пожирающей тоски; она хотѣла увезти ее къ себѣ; но страхъ, чтобъ за

сію отлучку не претерпѣть ей обиды отъ такого человѣка, ревнивость котораго погашала всякое другое чувствованіе, принудилъ ее отбросить сіе предпріятіе. Голдвинъ, по ея совѣту, приказалъ позвать Рандаля, и говорилъ ему, что положеніе Гжи. Ванъ требовало, чтобъ посовѣтовать съ искуснымъ Лѣкаремъ, и чтобъ употреблены были скорыя вспомогательныя средства отъ той болѣзни, которою она угрожаема была.

Рандаль, устрашенный почтеннымъ видомъ Г. Голдвина и не осмѣлившись противиться такому предложенію, которое бы и господинъ его долженъ былъ подтвердить, согласился на все то, чего отъ него требовали. Честный Голдвинъ, ободренный Рандалевою ревностію ему повиноваться, старался, посредствомъ ласковаго обращенія и обязательныхъ словъ, заставить его принять участіе въ жребіи любезной своей дочери. Но онъ имѣлъ такое сердце, котораго ничто не могло смягчить. Рандаль хотя и роптalъ тихонько на то, что для сей предосторожности потребны деньги;

одна-

однако послалъ искать Г. Беквара, которой зналъ чрезъ Даванпорта причину Оливіиной болѣзни. Къ щастію ея Г. Бекваръ предупрежденъ былъ въ ея пользу тою повѣренностію, которую сдѣлалъ ему Даванпортъ о всѣхъ обстоятельствахъ, которыя предшествовали и послѣдовали его съ Оливіею союзу, такъ что она нашла въ Бекварѣ не только способнаго къ возстановленію ея здоровья человѣка, но ревностнаго друга и утѣшителя, котораго мудрые совѣты обязали уже Даванпорта уважать напредь домашнее спокойствіе двухъ супруговъ, которыхъ онъ содѣлалъ равно нещастными.

Какъ признаки болѣзни, встревожившіе Г. и Гжу. Голдвинъ, не почтены были Г. Бекваромъ опасными, то сіи достойные супруги возвратились въ свой домъ, по нѣсколькихъ недѣляхъ пребыванія въ Ванъ-Гровѣ, весьма довольны будучи, что доставили Оливіи компанію въ лицѣ ея почтеннаго Лѣкаря. Бекваръ подъ видомъ свидѣтельствованія ея болѣзни имѣлъ свободной входъ въ домъ, въ которой ни-

никто не былъ впускаемъ безъ особеннаго приказанія жестокосердаго Рандаля.

Уже протекъ цѣлой годъ со времени Ванова бѣгства, но нещастная его супруга не получала о немъ никакого извѣстія. Всѣ поиски, чинимые на сей конецъ Голдвиномъ, Даванпортомъ и Бекваромъ, были безполезны; одинъ только Рандаль зналъ о семъ; онъ имѣлъ великую отъ того выгоду, чтобъ сохранять тайну своего господина, котораго отсутствіе доставляло ему способъ разхищать его имѣніе.

ГЛАВА 19.

Неизвѣстность гораздо отягчительнѣе, нежели самое нещастіе. Оливія узнала то на опытѣ, когда по прошествіи еще нѣсколькихъ мѣсяцовъ не видала она возвращенія своего супруга. Какъ нѣкогда она была болѣе обыкновеннаго отягчена печалію, которую причиняло ей печальное ея положеніе: то вошелъ въ ея спальню одинъ незнакомой, послѣдуемой служителемъ,

ко-

которой былѣ нѣсколько времени вѣ Вановой службѣ. Изумившись, увидя у себя незнакомаго молодаго человѣка, изъявила она о томѣ свое неудовольствіе какѣ господину, такѣ и слугѣ, которой извинялся вѣ томѣ, что онѣ не могѣ возпрепятствовать ему вѣ сдѣланіи ей сего визита. Оливія, обратясь тогда кѣ незнакомому, которой смотрѣлѣ на нее сѣ почтеннымѣ видомѣ, смѣшаннымѣ сѣ удивленіемѣ, говорила ему: „Желала бы я знать, государь мой! какая причина побудила васѣ притти сюда. — Желаніе избавить васѣ, сударыня, отѣ тиранства вашего супруга. По слуху узналѣ я какѣ о вашихѣ мученіяхѣ, такѣ и вашей красотѣ. Я пришелѣ предложить вамѣ убѣжище, вѣ которомѣ любовь и удовольствія возвратятѣ вамѣ тѣ права, которыя хотѣлѣ себѣ присвоить властолюбивой мужѣ. — Ваша наглость равна той дерзости, которую вы возъимѣли притти сюда, чтобѣ возмутить мое спокойствіе. Выдьте отсюда, и научитесь почитать добродѣтель, или страшитесь наказанія, которое вы заслуживаете. „ Она

Она произнесла сіи слова столь твердымъ голосомъ, что незнакомый не осмѣлился отвѣтствовать ей. Въ сію же минуту позвонила она, и велѣла вошедшему лакею вывести сего человѣка, въ которомъ вино помутило разумъ.

Сей незнакомой, которой назывался Вилфордомъ, былъ молодой человѣкъ знатнаго роду, но котораго развращеніе нравовъ вовлекло во многія непристойныя дѣла. Принужденъ будучи на нѣсколько времени удалиться изъ Лондона, пріѣхалъ онъ къ одному дворянину, которой жилъ по близости Ванъ Грова и не лучшія его имѣлъ основанія. Какъ Оливіино уединеніе и Ваново поведеніе часто было матеріею ихъ разговора, то Вилфордъ ударился объ закладъ, что онъ пройдетъ къ женѣ ревниваго, не смотря на его предосторожности, и что онъ даже принудитъ ее слѣдовать за собою. Когда онъ былъ у Оливіи, то скромной ея видъ привелъ было его въ робость; но страхъ, что онъ заставитъ смѣяться своимъ из-

держкамъ, ежели онъ не исполнитъ своей коммисіи, поострилъ его держаться своего предложенія, котораго наглость и самъ онъ чувствовалъ. Онъ чистосердечно признался своимъ друзьямъ, что онъ никогда не бывалъ въ такомъ смущеніи; хвалилъ Гжу. Ванъ и ея супруга, что онъ велѣлъ столь рачительно стеречь такую жену, которой прелести принудили его взять сію предосторожность. Однако онъ тотчасъ выѣхалъ изъ провинціи, какъ скоро стали смѣяться приключенію его и тѣ самые, которые столь же порочны были, какъ и онъ. Оливія пришла въ отчаяніе, усмотрѣвши изъ сего приключенія, какія оскорбительныя мнѣнія имѣли о ея чести, и почувствовала отъ того новую тоску. Она приказала позвать къ себѣ Рандаля, и сдѣлала ему толь жалостное описаніе угнѣтавшихъ ее золъ, что другой, кромѣ его, тронутъ бы былъ состраданіемъ. „Увѣдомьте вашего господина, говорила она ему, о томъ безчестіи, которому отсутствіе его меня подвергло; прибавь-

бавьте еще одного къ тѣмъ служителямъ, которыхъ онъ оставилъ для моей услуги „ По томъ бросивши на него болѣзненный взглядъ, говорила ему: „ Имѣйте сожалѣніе къ тѣмъ мученіямъ, которыя я терплю; увѣдомьте меня, въ Англіи ли мой супругъ; пожалуйте не скрывайте отъ меня, скоро ли я опять его увижу, или по крайней мѣрѣ, умѣритъ ли онъ тѣ жестокія приказанія, которыя онъ вамъ далъ.„ Рандаль ничего не отвѣтствовалъ на сіи вопросы, и даже казалось, что онъ услаждался ея печалію. Онъ вышелъ отъ нее, положивши твердое намѣреніе не исполнять ни одного изъ ея требованій, и даже питать подозрѣнія ревниваго ея мужа помощію коварства и клеветы, чтобъ возпрепятствовать ему возвратиться въ Ванъ - Гровъ.

Оливія, рѣшившись получить нѣкоторое облегченіе нещастному своему положенію, написала къ мужу своему письмо, которое отдала Рандалю, приказавъ отослать его къ его господину. Онъ притворился по-

винующимся; но по прочтеніи содержащагося въ немъ бросилъ его въ огонь, опасаясь, чтобъ оно не произвело того дѣйствія, какого Оливія ожидала себѣ отъ него.

ГЛАВА 20.

Письмо отъ Гжи. Ванъ къ Г. Вану.

„Будучи извѣстна, что мои мученія не сильны болѣе тронуть васъ, не могу ласкаться, оправдывая себя, перемѣнить въ васъ мнѣніе въ мою пользу. Ежели бы я была виновна, то уже упала бы подъ бременемъ моихъ нещастій. Свѣтъ съ презрѣніемъ осуждаетъ жену, оставленную своимъ мужемъ. Я имѣю довольно силы, чтобъ презирать его сужденіе, для того что я увѣрена въ моей невинности; но чѣмъ я могу вознаградить потерю вашего сердца? . . . Я была больна, но не могу съ радостію увѣдомить васъ о возстановленіи моего здоровья . . . Я бы добровольно пожертвовала моею жизнію, дабы возвратить васъ вашимъ

друзь-

друзьямъ, вашему отечеству, и дабы возстановить спокойствіе въ душѣ вашей. . . . Тщетно я писала къ вамъ многія письма; вы никогда не удостоивали отвѣчать на оныя. Ахъ, любезной мой Генрикъ! вы узнаете когда нибудь ваши заблужденія, и сожалѣть будете тогда о толикихъ несправедливостяхъ. Я признаюсь, что я проливала слезы о бѣдности страждущаго существа; но я съ тою же искренностію открываюсь, что всякое желаніе, всякая мысль имѣли предметомъ только пользу такого супруга, котораго избрало сердце нещастной Оливіи."

Едва только Рандаль сожегъ сіе письмо, какъ получилъ слѣдующее отъ Г. Вана. Читатель увидитъ, что сей безчестной управитель продолжалъ мученія любви достойной Оливіи.

Письмо отъ Г. Вана къ Рандалю.

„Въ вихрѣ веселостей, гдѣ я надѣялся найти удовольствіе, образъ вѣроломной моей Оливіи безпрестанно

возмущаетъ мою душу. Послѣдній звукъ ея голоса, которой одинъ могъ смягчить мое сердце, предоставленъ былъ для утѣшенія моего соперника.. Можетъ быть я былъ обиженъ . . Но не возможное ли дѣло, чтобъ я и обманулся? . . . Какая слабость! не слыхалъ ли я, что она жалѣла о немъ? . . . Не должно о томъ сомнѣваться, Даванпортъ владѣетъ ея сердцемъ . . . Какъ я былъ несмысленъ! я зналъ, что она любила его, и имѣлъ слабость на ней жениться! Я потерялъ разсудокъ, чтобъ удовлетворить своей страсти . . . За чемъ я позволилъ ей обитать въ священнѣйшемъ жилищѣ добродѣтельныхъ моихъ предковъ? . . Нѣтъ, Рандаль, я не могу изгнать ее изъ моего сердца, и въ сію самую минуту жесточайшая ревнивость увеличиваетъ страданія сего нещастнаго сердца. Иногда воображаю себѣ, что я былъ несправедливъ, но минуту спустя, желалъ бы я лишиться сей Оливіи, которую обожаю . . . Въ какомъ состояніи она находится? блѣдна ли она? имѣетъ ли она печальной видъ?

не

не искала ли она способовъ жить въ свѣтѣ? получаетъ ли она визиты? Сей Даванпортъ, сей прелестникъ Даванпортъ оскверняетъ можетъ быть своимъ присутствіемъ то мѣсто, откуда преступленіе его меня изгнало! . . . Ежели онъ былъ тамъ, рука моя еще его накажетъ! я не осмѣливаюсь помыслить о томъ . . . Ахъ Рандаль! смотри внимательнымъ окомъ за ея поведеніемъ, чтобъ никакой поступокъ, никакая отлучка не укрылась отъ твоего бдѣнія. Увѣдомляй меня почаще о вашихъ новостяхъ. Для чего ты, говоря со мною объ Оливіи, не входишь объ ней въ дальнѣйшія подробности? Однако не сказывай мнѣ, что она нещастна; ты умножишь мои мученія; но и остерегайся давать мнѣ знать, что она щастлива; ты приведешь меня въ отчаяніе. Это правда, что она раздѣляетъ мою участь, для того что я ей одолженъ моимъ нещастіемъ. Не скрывай отъ меня ничего, но остерегайся обманывать меня.„

Генрикъ Ванъ.

 От.

Отвѣтъ Рандалепъ Г. Вану.

Милостивый государь!

„Весьма прискорбно мнѣ, что письма мои не могли удовольствовать васъ въ подробностяхъ, которыхъ вы требуете касательно до Гжи. Ванъ. Вѣрьте въ томъ лѣтамъ моимъ и опыту, что никакая женщина не стоитъ того безпокойства, какое чувствуетъ честный человѣкъ въ разсужденіи ея. Гжа. Ванъ блѣдна и перемѣнилась; но не думайте, чтобъ разкаяніе о ея преступленіи, или печаль о вашемъ отсутствіи столько ее тронули, чтобъ могли произвести сію перемѣну: скука жить въ уединеніи опечаливаетъ ее. Я признаюсь, что она не покушалась ходить далѣе звѣринца; но и не за чемъ: гдѣ она найдетъ столь прекрасныя прогулки и столько различныхъ прельщающихъ сценъ, чѣмъ она однакожъ одолжена вашимъ къ ней милостямъ? Ежели бы она была моя жена, я бы наказывалъ ее различнымъ образомъ: вмѣсто двухъ сотъ фунтовъ стерлинговъ убавилъ бы я половину сей

сей пенсіи, и ни звѣринецъ ни сады не служили бы къ ея удовольствію. Можетъ быть ревность моя превосходитъ мѣру; но я не могу помыслить безъ негодованія о толикой неблагодарности. Я не отдавалъ еще ей ея пенсіи за послѣдніе шесть мѣсяцовъ. Помыслите, милостивый государь, какая безмѣрная сумма сто фунтовъ стерлинговъ! Ежели бы я далъ ей половину, то пятидесятя гиней довольно бы было на ея нужды. Она говорила мнѣ, что ей стыдно, что она не давала еще людямъ своимъ жалованья и не заплатила по щетамъ своихъ купцовъ, но не стыдилась поведенія своего въ разсужденіи своего супруга. Она часто играетъ на фортопіано и припѣваетъ; я не доволенъ симъ. Мнѣ кажется, что вы должны лишить ее сей забавы, которая не прилична женѣ, оставленной отъ своего мужа. — Ваши цвѣты, ваша рощица и ваши деревцы въ хорошемъ состояніи; но какъ разходъ, которой для сего нуженъ, служитъ дѣйствительно только для употребленія Гжѣ.

Ванъ: то не лучше ли определить его на землепашество? — Послѣ вашего отъѣзду Госпожа имѣла легкой припадокъ, которой не стоитъ того труда, чтобъ о немъ говорить съ вами. Г. и Гжа. Голдвинъ были тогда въ замкѣ, когда приключился сей мнимой припадокъ; они потребовали Лѣкаря; я велѣлъ увѣдомить Г. Беквара, чтобъ онъ прiѣхалъ къ больной; но я подозрѣваю, что все сiе только игрушка, дабы доставить Гжѣ. Ванъ товарищество. Сей Бекваръ есть пригожiй молодой человѣкъ; ежели вамъ не нравится, что онъ ходитъ къ Госпожѣ, то я провожу его добрымъ порядкомъ.

„Я не совѣтую вамъ возвращаться въ Англiю, прежде нежели позабудутъ о томъ нещастномъ приключенiи, которое принудило васъ выѣхать изъ нее. Хотя извѣстно, что жена ваша виновата, но вы не избѣжите отъ язвительныхъ насмѣщекъ тѣхъ людей, которые издѣваются надъ обманутымъ мужемъ. — Вашъ соперникъ совершенно излѣчился отъ

ранъ

ранъ своихъ, онъ сталъ веселѣе и достойнѣе любви, каковымъ онъ прежде никогда не бывалъ; всѣ женщины влюбляются въ него до безумія. Естьли онъ вздумаетъ приближиться къ замку, я накажу его за его дерзость явнымъ образомъ; жизнь моя ничего не стоитъ, когда идетъ дѣло объ отмщеніи за честь столь добраго Господина. Не имѣйте слабости, чтобъ простить такое оскорбленіе, которое содѣлало уже васъ посмѣшищемъ въ свѣтѣ; ничто тогда не извинитъ васъ предъ глазами общества. Гжа. Ванъ никогда не изъявляла ни малѣйшаго желанія слышать о васъ; не смотря на убѣжденія, которыя я дѣлалъ, чтобъ принудить ее писать къ вамъ, она всегда отказывалась сдѣлать мнѣ сіе удовольствіе. Гордость ея превозмогаетъ надъ ея должностію, и, ежели вы въ томъ на меня положитесь, надобно будетъ позволить мнѣ употребить другіе способы, чтобъ привесть ее въ разумъ. Надѣйтесь на мою ревность услужить вамъ, какъ и на нерушимую

мую привязанность вашего преданнѣйшаго слуги

Томаса Рандаля. „

ГЛАВА 21.

Письма сего подлаго клеветника не только препятствовали примиренію двухъ супруговъ, питая обидныя подозрѣнія; но еще вспомоществовали ко ввержению Вана въ непозволенныя забавы, дабы потушить въ нихъ воспоминаніе о своемъ нещастіи. Съ другой стороны безчестной Рандаль притѣснялъ нещастную Оливію всемъ тѣмъ, что только гнуснѣйшая скупость могла изобрѣсти, чтобъ похитить у ней невинные предметы, которые вспомоществовали ей сносить скуку уединенія. Часто терпѣла она недостатокъ въ нужномъ, и безъ помощи своихъ алмазовъ, подъ которые она занимала деньги, принуждена бы была оставить удобреніе любимаго своего сада. Она никогда не жаловалась на своего мужа за столь варварское

ское содержаніе, и терпѣніе было единое оружіе, которое она употребляла противъ творца своихъ печалей. Воспоминаніе о томъ безчестіи, которое она приняла отъ неблагоразумнаго Вилфорда, возмущало иногда ея спокойствіе. Она не шутя о томъ помышляла, какъ вручили ей письмо, писанное одною особою, которая подписалась: *Дружеской шпіонъ.*

Сіе письмо, незнакомой Оливіи руки, содержало величайшія похвалы мудрому и благоразумному ея поведенію, съ того времени, какъ супругъ ея, ослѣпленный ревнивостію, подвергъ ее стрѣламъ клеветы. Ободряли ее презирать несправедливость людей и положиться на Провидѣніе, которое вознаградитъ ее нѣкогда за предпочтеніе ею на самомъ дѣлѣ добродѣтели.

Оливія, будучи весьма довольна, видя, что она наслаждалась почтеніемъ своихъ друзей, читала и перечитывала сіе письмо съ новымъ удовольствіемъ. Послѣ различныхъ догадокъ, кто бы выдумалъ сей пріятной

ятной способъ утѣшать ее, приписала она его сначала Г. Голдвину. Но какъ другое письмо, полученное ею на другой день послѣ перваго, дало ей разумѣть, что она имъ не опекуну своему обязана: то она не знала болѣе кому приписать сiе великодушное попеченiе. Переписка ея съ Миссъ Пелгамъ вспомоществовала также къ разогнанiю печальныхъ ея мыслей и къ сношенiю ея заточенiя съ терпѣнiемъ. Состоянiе ея было бы довольно хорошо для такой души, какова ея, ежели бы ненавистный Рандаль не жилъ въ замкѣ Ванъ-Гровѣ.

Конецъ I Части.

